

НОВАЯ ПОЛЬША 5/2006

Содержание

1. БЛАГОДАРНОСТЬ
2. СТИХОТВОРЕНИЯ
3. КТО С КЕМ ДРУЖИТ
4. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
5. ЧАСТНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАТЫНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
6. СТИХОТВОРЕНИЯ
7. ЧЕЛОВЕК ПОГРАНИЧЬЯ
8. О ПОЭЗИИ ЕЖИ ФИЦОВСКОГО
9. ПОЭЗИЯ ПОВЫШАЕТ ПРЕСТИЖ ГОРОДА
10. РОДСТВО ПО ВЫБОРУ
11. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
12. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

БЛАГОДАРНОСТЬ

С самого первого номера она очень важный человек в редакции «Новой Польши». Однако наша близость не переродилась в рутину. Мы сознаём, с кем нам довелось работать.

С молодости у Натальи Горбаневской было три призвания: поэта, редактора и правозащитника. Ее стихи — жесткие, немногословные, с большим трудом поддающиеся переводу (лучше всех с этим справлялся Виктор Ворошильский) — можно и в то же время нельзя назвать лирической исповедью. Создается впечатление, что автор говорит о себе как о ком-то другом, об одной из многих, отдает свой голос безымянному, безмолвному человеку нашего столетия, его любовям, мелким радостям жизни, его религиозности, вовсе не означающей спокойствия духа.

Стихи Натальи Горбаневской поначалу распространялись в самиздате, потом выходили на Западе (первые книги — еще до ее эмиграции). В 2003 г. в Москве вышла большая книга: под одной обложкой — избранные стихотворения «Русско-русский разговор» и последний на тот момент сборник «Поэма без поэмы». На днях в издательстве НЛО выходит новая книга ее стихов — «Чайная роза».

Одновременно поэтесса ставит свой талант на службу польским авторам, переводя их стихи — начиная с Циприана Норвида и кончая Яцеком Подсядло. Разумеется, Наталья Горбаневская переводит для «Новой Польши» и другие тексты, часто сопровождая их необходимыми комментариями, а также редактирует чужие переводы. В этом она невероятно требовательна как к другим, так и к себе самой.

Редакционной работой Наталья Горбаневская занимается всю свою жизнь. Она была основательницей «Хроники текущих событий», в эмиграции работала в редакциях «Континента» и «Русской мысли», где посвящала много места польским делам — особенно в 80-е. Всем приезжавшим тогда в Париж полякам она служила помощью и советом, дарила книги — даже из своей личной библиотеки. Для нас она была бесценным источником информации о русской эмигрантской литературе и диссидентском движении в СССР. О ее связях с польской оппозицией свидетельствуют продолжающаяся по сей день дружба со многими поляками и два сборника стихов,

выпущенных в 1986 г. парижским издательством «Контакт», — «Переменная облачность» и «Где и когда».

В Польшу она впервые приехала в 1988 г. на нелегальную (хотя и не запрещенную) Международную конференцию по правам человека, организованную Зофьей и Збигневом Ромашевскими.

Ошибкой было бы думать, что правозащитная деятельность Горбаневской ограничивается прежними временами, когда она собирала подписи под письмами протеста или когда в числе восьми демонстрантов вышла на Красную площадь в знак протеста против вторжения советских войск в Чехословакию (впоследствии она описала это в документальной книге «Полдень»). Ее отличает сознание того, что борьба за права человека не прекращается даже после падения того или иного режима, что восприимчивость к их нарушению естественна, как дыхание. Она умеет ясно и решительно сказать «нет», невзирая на обстоятельства и авторитеты.

Эта бескомпромиссность, так же, как и поэтическая чуткость, свидетельствуют о ее энергии и молодости. И все же, поддаваясь магической силе круглых дат и желая выразить наши чувства к Наталье Горбаневской, мы празднуем ее семидесятилетие.

Короче говоря: спасибо за то, что ты такая, какая есть, и за то, что ты с нами.

От имени редакции Петр Мицнер

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из книги «Три тетради стихотворений»

*

Это я не спасла ни Варшаву тогда и
ни Прагу потом,

это я, это я, и вине моей нет
искупленья,

будет наглухо заперт и проклят да
будет мой дом,

дом зла, дом греха, дом обмана и
дом преступленья.

И, прикована вечной незримою
цепью к нему,

я усладу найду и отраду найду в
этом страшном дому,

в закопченном углу, где темно, и
пьяно, и убого,

где живет мой народ без вины и без
Господа Бога.

Из книги «Где и когда»

*

Пчела, пчела, зачем и почему

не для меня яд обращаешь в мед,

черна, черна — что к дому моему

тропинка ядовитая ведет,

травинка губы колет, и распух

чего-чего наговоривший рот,

и бедный дух глагольствует за двух,
но что ни молвит — всё наоборот.
О чем очей неутолимый жар?
Над чем ночей горячая мгла?
О, пощади, пчела! Пчела, не жаль!
Ужель тебе не жаль меня, пчела?

Из «Седьмой книги»

*

Ничто не повторится. Никогда.
Но в каждом новом — привкус повторенья,
и пишущееся стихотворенье
— как со шпаргалки. Черная вода
в чернильнице наводит подозренье,
что вложен был хороший кус труда,
что промывалась тяжкая руда
и острое прищуривалось зренье.
Но глаз, глядящий в дальний Арзамас,
заплыл слезою. Кто-то пьет за нас
170 лет, а мы, чужим похмельем
полны, в давнопрошедшую тетрадь
заглядываем, списываем, клеим...
И время жить, и время повторять.

Из книги «Еще одна»

Animula vagula, blandula...

*

Душенька блуждающая, нежная,

бландула, вагула анимула,
твои шутки, шутиха, — безнадежные,
твой любимый отель — мое немилое
тело. Да и много с нас толку ли?
На торгу, на толкучке суетной
затолкали нас обеих, заторкали.
И куда теперь? Перетасует ли
Парка старая гаданье наново?
И что выпадет — Вытегра, Няндомы,
Колывань, или Тамань, или Иваново?..
Анимула вагула, бландула.

Из книги «И я жила-была»

*

В ожидании конца
не толпитесь на пороге.
Всем достанутся чертоги
в доме нашего Отца.
Не дыши в чужое темя
свежей стружкой и смолой.
За надышанною мглой
есть и место, есть и время.
Шестикрылый номерок
от волнения промок,
на ладони у любого
расплывается лилово.
Не толпитесь за чертою,

не томитесь немотою,
в доме нашего Отца
песни не кончаются.

*

Хладом повеяло, холодом
с северной стороны.
Хмелем замешена, солодом
память холодной войны
С надвое сердцем расколотым
косимся, как в протокол:
накрепко ль над серпомолотом
вбито осиновый кол?

**Из книги «13 восьмистиший и еще 67
стихотворений»**

*

Кто там ходит под конвоем
«в белом венчике из роз»?
Глуховатым вьюга воем
отвечает на вопрос.
Иней, розами промерзлый,
колет тернием чело.
Ветер крутится промозглый,
не вещает ничего.
А в соседней зоне Дева
не смыкает слезных век.
Шаг ли вправо, шаг ли влево –
всё считается побег.

В тихом небе ходит Веспер
— наваждение...

А конвой стреляет без предупреждения.

Из книги «Поэма без поэмы»

*

И вторю, и цитирую,
себя же имитирую,
то цитрою, то лирою
бряцаю невпопад.
С одной строкой нетвердою,
как с писаною торбою,
ношусь, дурею, пробую
наладить струны в лад.
Я вдвое, втрое, ввытрое
сухие слезы вытру и —
и цитрусовой цитрою
из горла выжму сок.

Не пешее, не конное,
дрожит стекло оконное
и нотой беззаконною
колотится в висок.

*

И снова я слышу «нет» и «нет» говорю,
но теперь гляжу в Интернет и уже не горю
стыдобою, злобой на рот, не прошепчущий
«да»,

ничью зазнобой не быть – не была –
никогда,
ничью ручейной русалкой, ничьей Лорелей,
не жалко? нет, не жалко, поди погуляй,
мерцает экран, протекает кран, за окном не
метель,
убери постель, постели себе тень на плетень.

Из книги «Чайная роза»

*

Ох тятя-тятя, ох наши сети,
ох когой-то они притащили...
Ох трусоваты бедные дети,
залегли от страха в лощине
и выглядывают оттуда:
вурдалак? утопленник? наяда?
или еще пострашней чудо-юдо?
Дети-дети, бояться не надо,
— отвечает им тятя, — ни чудищ, ни
страшилищ,
не поддайтесь ни фантазму, ни фантому.
Так ответил им тятя, черти утащили ж
храбреца в самый тихий омут.

*

Где заумь становится безумью,
а стон обращается в вой,
лови эту Музу болезную
с кудлатою головой.
Корми ее, мой и расчесывай,

расчесывай раны ея
и русской строфой стоеросовой
ступи за порог бытия.

Из стихов 2006 года (публикуются впервые)

*

Ни хвостиков, ни черточек, ни точек,
емеля нам выравнивает почерк,
и спросишь: «Как жена?» — а выйдет «зона»,
и удержишь сам себя за фармазона,
который был исходно франкмасоном,
умом не сонным, духом не бессонным,
душой не чутким и несклонным к шуткам,
давно отправленным ко всем анчуткам.
Поставь на переписку знак товарный,
и верный росс пойдет, как лях коварный,
извертываться, врать и лицемерить
и самому себе уже не верить,
не доверять рефлексам и привычкам,
ключам в кармане, спичкам и отмычкам,
влюбленностям заречным и заморским
и давним радостям консерваторским.
Поставя копирайт на переписку,
ты сам себя переберешь по списку,
по перечню, где уши-руки-ноги
гуляют парами, за ними по дороге
— как зэк со шконкой — печенка с
селезенкой,

и все одето кожицею тонкой,
которой так недолго надорваться
и обнажить... — и обнажиться, братцы!
У переписки, пересвиста птичья,
ни замысла (а значит, и величья),
ни умысла (на подрыв и сверженье),
ни помысла (как выйти из окруженья),
ни мысли, хоть бы вялой и небойкой,
и только рифмы ходят парой или тройкой.

Комментарий автора (специально для «Новой Польши»): Это стихотворение появилось вскоре после того, как я несколько дней интенсивно переписывалась с вроцлавским издательством «Атут», выпускавшим мою книгу «Полдень». Речь шла о вставке в текст книги примечаний, сделанных мною в прошлом году, когда я готовила отрывки из книги для публикации в журнале «Урал» (2005, №6). Примечания уже были переведены, но издательство не знало, в какие места книги их надо вставить. Вдобавок следовало исправить устаревшую биографическую справку и еще какие-то мелочи. Писала я по электронной почте («емеле») латиницей, но без всяких диакритических знаков (хвостиков под буквами, черточек и точек — над), отчего в тексте писем появляются странные омонимы. Правда, «жена» (żona) и «зона» (zona) здесь не фигурировали — это было более раннее наблюдение. Польский контекст, видимо, вызвал и появление «верного росса» (из «Клеветникам России») и «коварного ляха» — искаженная цитата оттуда же. У меня в памяти вместо «Кто устоит в неравном споре: / Кичливый лях, иль верный росс?» лях вечно оказывается «коварным» — видимо, моя собственная поэтика требует этого «верный — коварный». Следует еще пояснить не всем ведомое слово «шконка» — это тюремно-лагерная койка (в отличие от нар).

*

Неистовствуй и истину гласи
так истово, как некогда, как встарь,
и помни, что веселие Руси —

ложить людей как жертву на
алтарь.

КТО С КЕМ ДРУЖИТ

Заметки «польки honoris causa»^[1]

Никогда не могла понять, что значит «дружба народов». Дружить могут люди, дружба — куда более индивидуальное чувство, чем любовь. Любовью могут быть охвачены толпы и даже народы (как, например, поляки безответно любят французов, как русские в 50–80-е годы любили поляков). Но дружить можно только один на один (дружба, правда, всегда сопровождается любовью, а любовь дружбой — не обязательно), а уже вокруг этих дружб складывается компания друзей, зачастую и не одна. Другое дело, что чем больше, скажем, конкретных русских дружит с конкретными поляками, французами, американцами, украинцами, тем больше надежд на нормальные, не омраченные враждой отношения между народами. Только не будем называть их дружбой.

Я из тех — сразу подчеркну — сравнительно многих русских, которые дружили и дружат с поляками. Хотя начиналось, конечно, с любви, влюбленности в незнакомую Польшу, в самый, простите за банальность, «веселый барак социалистического лагеря», в поляков, таких, казалось нам, необычайно умных и талантливых, — в тех самых поляков, которых я еще долго живьем не видела. Вот когда реальные поляки начали занимать место — и все большее место — в моей жизни, тогда появились и реальные представления о них, а со временем и о самой Польше. Приведу два воспоминания разного времени. В 1972 году мне привезли в Москву из Парижа второй русский выпуск «Культуры». Я и мои друзья читали его с восхищением, и одна подруга спросила меня: «Ну почему эти поляки такие умные? Почему мы не такие?» С опозданием могу ответить (а тогда я разделяла ее мнение): это не вообще поляки были «такие умные» — это была «Культура», ее авторы, да еще специально отобранные, чтобы показать русскому читателю самое интересное, самое важное. Второе воспоминание относится к концу 1982 года — первого года военного положения, когда в Париже оказалась огромная невольная эмиграция: поляки, которых 13 декабря застало за границей. Я тогда жалобно сказала Миреку Хоецкому: «Мирек, знаешь, я за этот год лучше узнала поляков — и уже не так их люблю». Мирек мрачно улыбнулся: «Ты их еще недостаточно знаешь».

Что же, могу сказать, что теперь я знаю их «еще лучше» — и... Зато скольких реальных, а не мифических поляков я за эти годы полюбила, скольких друзей приобрела.

Из всего этого затянувшегося вступления можно понять, что мое отношение к полякам — хоть и не свойственно среднестатистическим русским, но все-таки и не такое уж исключение. Не будучи полонистом по образованию, я стала «полонистом-практиком»: переводила, писала, показывала полякам Париж, знакомила русских с поляками, а бывало, и поляков с поляками (как когда-то, будучи москвичкой, знакомила ленинградцев с ленинградцами). Но как это начиналось? Откуда взялся «мой польский», а за ним — и «мои поляки»?

«Мой польский», т.е. польский язык и польское чтение, был, конечно, «нашим польским» — языком и чтением моего поколения, того, которое считает себя поколением 56-го года — не столько XX съезда и (у многих, но отнюдь не у всех) пробужденных им надежд, сколько Венгрии и (у тех, у кого они были) разбитых иллюзий. Летом-осенью того года вылавливать какую-то правдивую или, точнее, близкую к правдивой информацию можно было лишь в польских и югославских газетах. Многие принялись их читать: в конце концов, и они, и мы — славяне, что-нибудь да поймем. С сербским я сразу не справилась, по-польски кое-как начала разбираться. Одна знакомая, в прошлом моя однокурсница, но со славянского отделения, дала мне «Новую культуру», которая в СССР не попадала: газету получал от своих варшавских коллег ее отец, известный полонист. Из этого номера я — заметьте, совсем не зная языка, то есть совершенно нагло, — перевела коротенькое стихотворение Леопольда Стаффа. Понять его было как будто легко — я и думала, что поняла. Воспроизвожу как помню:

Я воздвигал на скале —

и рассыпалось.

Я воздвигал на песке —

и рассыпалось.

Стану я строить теперь

на легком дымке из камина.

Речь, конечно, шла о дыме из трубы (komin), да и «скала» — это в данном случае просто камень (как «ты — Петр, и на сем

камне...» — в польском переводе Евангелия «на скале»), но... у меня не было даже словаря, и я заменяла знания догадкой и энтузиазмом. Самое поразительное, что я отправила перевод автору, прямо на адрес редакции, и получила от него ответ, очень сдержанный: он указывал мне мои ошибки, но не выражал недовольства. Видимо, польская вежливость не позволяла сказать, что этот перевод — хоть чистая и бескорыстная, но халтура.

Поэтому, когда я говорю, что первым польским стихотворением, которое я перевела, стали «Дожди» Кшиштофа Камиля Бачинского, — это правда. Это был мой первый настоящий перевод польского поэта. Но это был уже 1973 год, т.е. 17 лет спустя.

Интерес к польскому языку был в те времена лишь частью увлечения всем польским: польским кино в первую очередь, польской прессой, сначала лишь журналом «Польша» на русском языке, чьи обложки украшали стены у тех моих редких ровесников, кто жил не в коммуналке, а в своей комнате отдельной квартиры, затем польскими журналами (еженедельниками) на польском — на них можно было подписаться. Читалось всё — всё было интереснее, ярче, остроумнее советского иллюстрированного уныния. Постепенно среди журналов выделился «Пшекруй». Сколько раз я видела недоверчивое изумление поляков, когда на вопрос, как я научилась читать по-польски, я отвечала: по «Пшекрую». Много позже я была полностью вознаграждена, прочтя тот же самый ответ в одном из польских интервью Иосифа Бродского, тогда уже нобелиата. А еще в одном его интервью обнаружила, что подписала Бродского на «Пшекруй», когда он был в ссылке, — о чем совершенно успела позабыть.

Для очень многих моих ровесников Польша была прежде всего «окном на Запад» — они читали книги западных писателей, уже изданные по-польски, но еще не разрешенные к выходу в СССР по-русски. Я же погрузилась в польские книги и журналы. Зофья Капустинская, чьим именем озаглавлена поэма Бродского, присылала мне «Диалог», на который в СССР подписки не было. «Творчость» я выписывала.

Читала я тогда очень много: и поэзию (по преимуществу XX века), и литературоведение (включая книги, достававшиеся мне не из магазина, а от знакомых: так, Н.Я.Мандельштам отдала мне подаренную ей книгу Рышарда Пшибыльского «Достоевский и проклятые вопросы», а один мой ленинградский приятель — книгу эссе Северина Полляка, с которым он случайно встретился на улице ночью и показывал

ему город), и кое-что по истории разделов Польши и польских восстаний. Но почему-то я особенно заикнулась на времени немецкой оккупации (см. мою статью «Венок полеглим» о «двадцатилетних варшавских поэтах» — «Новая Польша», 2005, №11). После «Пепла и алмаза», первой книги, которую я по-настоящему одолела и к концу уже читала свободно, я прочла сборников рассказов Анджеевского «Страстная неделя», потом прозу Боровского, а позже и его стихи. Читала я и разные документальные свидетельства — был тогда в Варшаве издан пятитомник рассказов и очерков об оккупации.

К Бачинскому я пришла через Эву Демарчик, хотя, наверное, книжка его — из серии польской поэзии, микроформат, белая твердая обложка, — у меня уже и тогда была. Но у меня их было много, я эту серию собирала, однако еще не могла вчитаться: на поэзию мне языка все еще не хватало.

В 1967 году в Москве проходила Неделя польской культуры, и в «Мелодии» на Новом Арбате я купила грудку польских пластинок. Среди них была и неизвестная мне дотоле Эва Демарчик. О том, как я ее слушала, как я слушала Бачинского, как я его позже переводила, тоже говорится в статье «Венок полеглим».

Бывают странные сближения. Осенью 2004 г., после статьи «Венок полеглим», я написала «Три стихотворения памяти дома с бельэтажем и мезонином» — того самого дома в Сивцевом Вражке, где я когда-то слушала и ставила друзьям пластинку Демарчик. О Демарчик и Бачинском в этих стихах нет ровным счетом ничего, но есть там такие три строки:

*А мой предмет — увечный переулок,
где жар страстей таков казался пылок,
что пыль сама преображалась в пыл...*

А несколько дней спустя, снова слушая пластинку Демарчик, я поняла, что это «пыль — пыл» пришло оттуда. Есть там строки о «черной пыли» — в прекрасном переводе Александра Ревича: «сдуй с волос мне пыль и порох, / дней отпора / черный прах», — но в оригинале дважды повторяется «пыль» (дословно: «пыль битв, / тех лет гневных / черная пыль»), по-польски мужского рода и с твердым «л» на конце.

Но слушала я тогда не только Демарчик. Умея читать, я практически не умела говорить: произношение выучила — очень приблизительно — по учебнику. Теперь же я его

совершенствовала, слушая Демарчик и Станислава Гжесюка, певца то забавных, то трагических варшавских уличных песенок. Это два моих учителя польской фонетики.

А заговорила по-польски я и вовсе только в Париже... За все годы до эмиграции я встретила разве что пятерых поляков. Первым встреченным мной поляком был — ничего удивительного — Анджей Дравич. Меня познакомили с ним в 1963 году в Ленинграде. Я тогда рьяно занималась распространением «Реквиема» — дала «Реквием» и ему. Прошло несколько месяцев, я прихожу к Ахматовой, она мне показывает книжечку и говорит: «Ох, Наташа, не надо было давать «Реквием» этому поляку. Но я, конечно, понимаю, такой красивый поляк...» (он тогда еще не был совершенно лысым, каким его все помнят). Правда, Анджей потом, когда я его встретила в Париже, клялся, что он не передавал, а еще позже мне кто-то говорил, от кого это пришло на Запад, действительно из Польши. Но «Реквием» распространялся в таком количестве экземпляров, что невозможно было себе представить, что он не попадет на Запад. А в Польше в то время «Реквием», хотя и не совсем целиком, был напечатан в «Творчости», до того как вышел на Западе. Думаю, что это был перевод Северина Полляка — может быть, он прямо от Ахматовой получил, он с ней встречался.

Дравич невероятно много сделал для популяризации русской литературы в Польше. Но скажу честно, что как литературовед он был все-таки не больше чем популяризатор. Каких-то глубоких новых идей у него нет. Зато в роли популяризатора другого такого не было. Правда, когда в конце 80-х он из номера в номер «Тыгодника повсехного» принялся популяризировать «перестройку» и до небес превозносить Горбачева, то я воспринимала его статьи как безудержную — хотя, может быть, и искреннюю — дезинформацию.

relative to the body text.Above, Но вот в конце 1975 года я эмигрировала, а в начале 1976-го приехала в Париж. Что такое журнал «Культура», я знала и до эмиграции: читала отдельные попадавшие ко мне номера; слушала обзоры «Культуры» по «Свободной Европе». Впервые «Культуру» я увидела в Вильнюсе в 1967 году, и тогда же — первую в моей жизни книгу, изданную «Институтом литерацким», — «Кладбища» Марека Хласко. Приехав в следующий раз в Вильнюс, я выпросила у владельца эту книжку. Она долго жила у меня, я ее даже на магнитофон переводила, но потом началась эпоха арестов, и этот перевод на больших магнитных катушках переезжал из дома в дом и где-то безвозвратно пропал. В Париже я перевела

повесть заново, и перевод был напечатан в 3-м русском номере «Культуры».

В 1972 году в Москву приехал молодой поляк от Гедройца и привез мне 2-й русский номер (первый, я, по-моему, увидела уже за границей). Кто-то привез мне еще один экземпляр. Эти два экземпляра «Культуры» все время были на руках, я уезжала в эмиграцию — они там остались, так что у них было заведомо несколько сот, если не тысяч читателей. От моего друга-полониста Сергея Ларина, дружившего с Ханной Краль, я получила сборник документов и материалов «Мартовские события» о студенческих волнениях 1968 года.

В Париже я, конечно, мечтала встретиться с Гедройцем. Но ехала я в «Континент». О планах Максимова насчет «Континента» — названия журнала еще не было — я знала еще в России. Незадолго до своего отъезда Максимов мне сказал при случайной встрече: «Мне предлагают издавать журнал, но я не хочу издавать еще один журнал русской эмиграции. Я хочу, чтобы это был орган всей восточноевропейской эмиграции».

К моменту моего приезда «Континент» существовал больше года (я до отъезда успела в Москве прочитать первые пять номеров). Я знала, что Гедройц, Чапский и Герлинг-Грудзинский входят в редколлегия «Континента», видела, что там много польских материалов, знала, что «Континент» уже сотрудничает с «Культурой». Как известно, Солженицын сказал Максиму: «Идите в «Культуру», они вас научат». И Максимов до самой смерти продолжал с ними дружить.

Хорошо известно, что основная линия «Культуры» определялась — скажем условно — доктриной Гедройца—Мерошевского: в будущем, когда Польша будет свободной и Россия будет свободной, нужно чтобы Украина, Литва и Белоруссия тоже были свободны. Когда они будут свободны и независимы, Польша с Россией лишатся главной причины своего конфликта. У них была мысль о независимых силах внутри Советского Союза, причем в первую очередь русских. Это было очень важно. Они находили любые проявления оппозиционности, начиная с того, что «Культура» первой напечатала Терца и Аржака (по-русски!). В 1961-м они выпустили сборник материалов — 1-й номер «Культуры» по-русски, в 1972 году — следующий, а в 1981-м — третий, в работе над которым я уже принимала участие.

Они напечатали много русских писателей. И вдруг появился Максимов с идеей объединения — это, я думаю, было очень близко «Культуре». Три ее столпа сразу вошли в редколлегия,

постоянно следили за тем, что печатается в «Континенте». Гедройц регулярно писал письма Максимову. Он очень хорошо понимал по-русски, но стеснялся говорить. По-моему, одно письмо он сам написал по-русски, иногда кто-то ему переводил в редакции, а иногда он писал по-польски (и тогда я Максимову переводила). Бывали между ними и конфликты, но каждый раз все улаживалось.

Начав работать в «Континенте», я стала искать в номерах «Культуры» или в книгах, изданных «Культурой», что-нибудь для публикации в «Континенте» по-русски. Многие материалы предлагал нам сам Гедройц, а я их переводила. Так, по предложению Гедройца я перевела целиком (он был напечатан в четырех номерах «Континента») роман Казимежа Орлоса «Дивная малина». Помню, Татьяна Максимовна Литвинова сказала мне, прочитав роман: «Ой, Наташка, а я-то думала, что у них в Польше лучше». Вся остальная Польша, кроме двух городов, Варшавы и Кракова, была почти как советская Россия. Хотя, конечно, когда в 1981 г. в Польше были бунты и забастовки из-за того, что снизили норму мяса, а у нас в провинции мяса вообще не видели, мне это объяснять по радио русскому слушателю было очень трудно.

От «Культуры» мы очень быстро получили первый номер «Информационного бюллетеня» КОРа (Комитета защиты рабочих). Я его перевела целиком, и он был напечатан в «Континенте» под заглавием «Первый выпуск польской «Хроники»» (имеется в виду «Хроника текущих событий»).

В 1980 году приближалось сорокалетие Катыни, и я делала большую серию радиопередач (см. мои статьи в «Новой Польше», 2005, №№ 3 и 4), а потом печатала их в «Русской мысли». И Гедройц мне сказал: «А давайте мы эти ваши тексты напечатать в «Зешитах хисторичных»» [«Исторических тетрадах», ежеквартальном журнале, выходившем в «Институте литерацком» (издательстве «Культуры») и продолжающем выходить по сей день, уже после того, как прекратила свое существование сама «Культура»]. Я говорю: «Пан Ежи, я все пишу по польским материалам, все это уже напечатано». У меня было такое впечатление, что Гедройц даже обиделся, но все это, и правда, были почти одни цитаты или пересказы документов, неизвестных русскому читателю, которому, на мой взгляд, было очень нужно все это узнать.

Не помню точно, когда я впервые поехала в Мезон-Лаффит — наверное не сразу по приезде, потому что приехала с двумя детьми, мне надо было устраиваться, получать беженские документы, искать работу, искать квартиру. Мне предложили

внештатную работу на радио «Свобода», чтобы я могла делать переводы. Я решила назвать свою программу «Восточноевропейские свидетельства». Первую передачу я делала о чешском журнале «Сведецтви», у которого заимствовала главное слово в названии своей программы, а вторую — о «Культуре». И тут меня в первый раз цензурировали на радио «Свобода». Там была американская цензура, т.н. Policy Service: американцы боялись испортить отношения с Советским Союзом. «Брюсселец» (Леопольд Унгер, тот самый, которому уже сейчас, в 2006 г., запретили въезд в Россию!), постоянный политический обозреватель «Культуры», в связи с Хельсинским соглашением привел слова американского президента Форда, сказанные перед поездкой в Хельсинки в августе 1975 года. Президент тогда сказал, что США никогда не признавали и не признают аннексию Литвы, Латвии и Эстонии. Я это привела как двойную цитату (слова президента Форда из статьи в «Культуре»), и американцы меня — да не меня, а собственного президента! — цензурировали. Кстати, одной из первых статей, которые я переводила с польского (нам ее дал Гедройц), была статья Яна Новака-Езеранского «Открытое письмо Александру Солженицыну», где он объяснял, почему ушел с радио «Свободная Европа»...

Я и по сей день дружу со многими поляками, с которыми познакомилась в Париже. Мой самый любимый, после покойного Виктора Ворошильского, польский друг — вышеупомянутый Мирослав Хоецкий (основатель первого крупного польского независимого издательства НОВА). В 1981 г. он привез в Европу выставку, а тут объявили военное положение, и ему пришлось остаться. В 1986 г. Мирек Хоецкий у себя в «Контакте» напечатал (по-русски) два сборника моих стихов. А не так давно он мне напомнил, что название «Контакт» для их журнала я придумала.

В парижском комитете «Солидарности», одним из основателей которого был Хоецкий, я получала массу подпольных изданий, что позволяло мне делать в «Русской мысли» такие обзоры положения в Польше, что Герлинг-Грудзинский однажды сказал: «В «Русской мысли» самый лучший в мире польский сервис». Заботился о том, чтобы я их получала, Яцек Кравчик, тогда архивариус комитета, а ныне — «Института литерацкого». Позже из «военной» Варшавы приезжал его младший брат Марек Кравчик, крупный подпольный издатель, — под конец 80-х, когда «Континент» остался без издателя, он печатал нам тираж журнала в Варшаве.

В Париже я познакомилась и с Виктором Ворошильским, с которым до тех пор мы были знакомы только заочно. Он приехал в 1976 году, а после этого его до времен «Солидарности» не выпускали за границу (а потом интернировали и после освобождения опять долго не выпускали — и мы опять несколько лет дружили заочно), приезжала только его дочь Наталья, тогда еще, по-моему, школьница, а теперь тоже замечательный переводчик с русского (знаю это на собственном опыте). О моей дружбе с Виктором Ворошильским см. «Новую Польшу», 2000, №9.

Наконец, в Париже я познакомилась и с Милошем, который всегда, заведя меня еще издалека, заговаривал со мной по-русски, хотя я изо всех сил старалась говорить с ним по-польски.

Поляки часто приходили в редакцию «Континента». Большинство поляков дружило со мной: я говорила по-польски, понимала их и переводила Максимову. Но вот, например, Анка Ковальская, она по-русски вообще не говорила. Она была в Париже в 1980 г., уже после создания «Солидарности», и побывала в «Континенте». Я ее стихи перевела, мы ее напечатали. При военном положении ее интернировали, но потом, так как она была очень больна, ее выпустили в Париж сделать операцию. Она пришла в редакцию «Континента», села в кресло и сказала: «Я как дома». И это относилось не ко мне, говорящей по-польски, а к «Континенту». А когда я уже в двухтысячные годы в первый раз встретила нынешнего посла Польши в Париже Яна Томбинского, он сказал: «Вы знаете, когда я был молодой, я приходил к вам в редакцию «Континента»». И не просто приходил — он участвовал в подпольном издании сборника статей из «Континента» в переводе на польский.

В августе 1988 г. я приехала в Польшу на Международную конференцию по правам человека в Кракове. Я прилетела в Варшаву за неделю до открытия конференции, ровно в тот день, когда начались большие забастовки, а Владимир Буковский — очень занятой человек — решил приехать в последний момент, прямо в Краков. Когда он выходил из дома, чтобы ехать в аэропорт, он вынул из почтового ящика письмо из польского посольства с сообщением, что его виза аннулирована. Моя статья о первом пребывании в Польше по-русски была напечатана в «Континенте», а по-польски — в «Культуре».

Когда я думаю о своем «польско-русском» прошлом, все время возвращаются три названия: «Культура», «Континент»,

«Русская мысль». И три имени: Ежи Гедройц, Владимир Максимов, Ирина Иловайская. Если мне что-то, и даже многое, удавалось сделать для сближения и взаимопонимания поляков и русских, то лишь потому, что все они трое были одушевлены этой идеей сближения и взаимопонимания и предоставляли мне свободу действий. Мое «польско-русское» настоящее — это «Новая Польша», где в лице Ежи Помяновского я нашла продолжателя той же славной традиции.

Итак, не пресловутая «дружба народов», а сближение и взаимопонимание — вот мой рецепт польско-русских отношений.

Первый вариант этой статьи

в сильно сокращенном и переработанном виде

напечатан по-польски в журнале «Ньюсуик-Польша», май 2005

Автор благодарит Каролину Зёло: в статье использованы фрагменты расшифрованного ею с магнитофонной ленты интервью со мной.

-
1. Хотя теперь я — получив в 2005 г. польское гражданство — уже, можно сказать, «полька в законе», думаю, что «почетность» все-таки осталась: ей, собственно, я и обязана своим гражданством.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «1 мая исполнится два года со дня расширения Евросоюза. В связи с этим центр изучения общественного мнения ГфК проверил, на что надеются и чего опасаются общества десяти стран, вступивших в ЕС в 2004 году. Неожиданно оказалось, что поляки вовсе не самые недовольные: население Словакии и Латвии видит действительность в еще более черном свете. Поляки, как и другие, ценят тот факт, что 15 старых членов ЕС открывают для нас (пусть даже постепенно) свои рынки труда (...) В то же время мы опасаемся потерять работу у себя на родине. Больше всего распространен страх, связанный с ожидаемым повышением цен (...) Значительная часть опрошенных ожидает также снижения уровня жизни. Неизменно критически оценивается (и в этом мы не исключение) служба здравоохранения» («Жечпосполита», 21 марта)

• По данным Главного статистического управления (ГСУ), «за первые два месяца текущего года объем розничных продаж увеличился на 9,6%, а в промышленности — на 10,3%. Инфляция продолжает оставаться низкой — в феврале она составила только 0,7%. Приблизительно на столько же поднялись цены производителей. Правда, безработица до сих пор держится на уровне 18% — таком же, как в январе, — но в течение года занятость на предприятиях увеличилась на 116 тыс. рабочих мест, а реальная средняя зарплата была на 2,9% выше, чем годом раньше». («Жечпосполита», 24 марта)

• «Почти две трети опрошенных (64%) обращают внимание на отечественное происхождение покупаемых товаров. Чаще всего это случается при покупке продуктов питания, хотя мы охотно приобретаем также польские лекарства и косметику (...) Рост покупательского патриотизма, называемого на профессиональном языке потребителем этноцентризмом, — это верный признак роста благосостояния (...) Снобизм, велевший покупать заграничные марки, заметно уменьшился». (Анита Блащак, «Жечпосполита», 30 марта)

• «Прошло менее двух лет с тех пор, как ирландский рынок труда открылся для поляков, а их приехало уже больше 120 тысяч. Они стали самой многочисленной группой иностранцев:

в Дублине они составляют 10% населения. [Президент Ирландии] Мэри Макалис [говорит]: «Приехавшие в Ирландию поляки делают честь своей родине: они прекрасно образованы, трудолюбивы и смелы. Пусть их будет как можно больше»». («Жечпосполита», 4 апр.)

- «Работать за границу уехали уже 18 тыс. врачей и несколько тысяч медсестер». (Первая программа Польского радио, 7 апр.)

- «Гданьская судоверфь — не единственное место в Польше, где работают невольники из [Северной] Кореи. Только в Поморском воеводстве сварщики, присылаемые пхеньянским режимом, работают в шести крупных фирмах». («Газета wyborcza», 24 марта)

- На вопрос института «Пентор»: «Кто на самом деле правит Польшей?» — 56% опрошенных ответили: избранные в результате свободных выборов политики; 36% — большой бизнес; 21% — СМИ; 15% — международный капитал; 13% — люди с пээнэровским прошлым; 9% — евреи; 8% — спецслужбы. («Впрост», 2 апр.)

- Согласно опросу ЦИОМа, действия президента Леха Качинского положительно оценивает 41% поляков, а отрицательно — 37%. В случае Сейма эти цифры составляют соответственно 25 и 62%. («Жечпосполита», 21 марта)

- «По случаю приближающегося праздника Пасхи президент Лех Качинский впервые прибыл в Ирак. Он пожелал посетить наш военный контингент, участвующий в стабилизационной миссии». («Жечпосполита», 7 апр.)

- «В июне министерство национальной обороны отправит в Конго в пять раз больше солдат, чем было запланировано (...) В Африке они будут поддерживать порядок во время выборов (...) За границей служит в общей сложности 2,2 тыс. польских солдат. Больше всего (почти 900) — в Ираке. В Ливане и Сирии в составе войск ООН служит около 600 поляков. Контингенты в Косове и Боснии насчитывают в общей сложности 600 человек. В Афганистане дислоцируются 105 военных (этот контингент будет увеличиваться). Самый малочисленный контингент находится в Литве, где служат 70 солдат и офицеров ВВС». («Жечпосполита», 29 марта)

- «В полночь с пятницы на субботу четыре польских МиГ-29 закончили свое трехмесячное дежурство в небе над Литвой, Латвией и Эстонией (...) По словам литовского министра обороны Гедиминаса Киркиласа, миссия контингента «Орлик»

(под таким названием была известна в широких кругах польская патрульная миссия в небе над тремя странами) прошла лучше всех предыдущих. Неофициально мы узнали, что за время польского дежурства не было ни одного случая нарушения воздушного пространства российскими самолетами, хотя во время предыдущих дежурств американцев, голландцев и немцев это случалось регулярно». («Газета wyborcza», 1-2 апр.)

• «Войцех Ярузельский награжден Крестом Сибирских ссыльных (...) «Я рад, что президент оказался выше разделяющих нас противоречий», — сказал Ярузельский (...) Крест Сибирских ссыльных был учрежден для награждения поляков, депортированных в Сибирь, Казахстан и на север России в 1939-1956 гг., за их мученичество и верность идеалам свободы и независимости». («Жечпосполита», 29 марта)

• «Войцех Ярузельский вернул президенту Леху Качинскому Крест Сибирских ссыльных и удостоверение к нему. «Я узнал, что подпись на врученном мне удостоверении оказалась там без Вашего ведома и вопреки Вашей воле, — написал Ярузельский в письме президенту. — Искренне сожалею, что возникшая ситуация могла причинить Вам неприятность» (...) «Президент с пониманием отнесся к решению генерала Ярузельского, и таким образом инцидент можно считать исчерпанным», — заявил начальник Канцелярии президента Анджей Урбанский». («Жечпосполита», 31 марта)

• «В 1940 году генерал [Ярузельский] был сослан вместе с семьей в Алтайский край, где работал на лесоповале». («Газета wyborcza», 31 марта)

• Архиепископ Тадеуш Гоцловский: «Хоть я и не испытываю симпатии к господину Ярузельскому, мне кажется, что он поступил благородно, достойно. Хорошо, что он отдал [орден] и не желает иметь с этим ничего общего». («Газета wyborcza», 1-2 апр.)

• «В пятницу премьер-министр Казимеж Марцинкевич отправил в отставку Яна Турского, возглавлявшего Управление по делам ветеранов и репрессированных. Именно из этого управления поступило предложение наградить генерала Ярузельского Крестом Сибирских ссыльных». («Жечпосполита», 1-2 апр.)

• «5 апреля 1989 г. завершились заседания «круглого стола». Сегодня легко критиковать принятые тогда решения, но не будем забывать, что 17 лет назад на территории Польши стояли

советские войска, которые вовсе не собирались оттуда уходить (...) Потом была «бархатная революция», распад советского блока и в конце концов самой империи. Этот процесс начался именно тогда, за круглым столом». (Мацей Росоляк, «Жечпосполита», 5 апр.)

- «Институт национальной памяти (ИНП) обвинил генерала Войцеха Ярузельского в коммунистическом преступлении — руководстве вооруженной преступной организацией. Кроме того Ярузельский обвиняется в том, что 13 декабря 1981 г. он подстрекал членов Государственного совета ПНР (который формально ввел военное положение) к превышению полномочий путем принятия декретов о военном положении, датированных 12 декабря, — во время сессии Сейма ПНР и вопреки конституции». («Тыгодник повшехный», 9 апр.)

- «Иногда отсутствие милосердия причиняет острую боль. Людей (за исключением разве что циников) нельзя преследовать за ошибки, исправленные историей», — сказал примас Польши кардинал Юзеф Глемп в проповеди во время литургии на варшавской площади Юзефа Пилсудского, где в 1979 г. Иоанн Павел II (...) произнес исторические слова: «Да снизойдет Дух Твой и обновит лицо земли! Этой земли!» («Газета wyborча», 3 апр.)

- «На стене дома №2 по ул. Сверща во Влохах [район Варшавы] установлена мемориальная доска в память о жертвах коммунистических репрессий, сидевших в подвалах этого здания в 1945 году (...) В этом же доме находился кабинет печально известного генерала НКВД Ивана Серова (...) Мрачная история раскрылась лишь в 90-х годах, после того как здание было возвращено частным владельцам, которые обнаружили на стенах подвала нацарапанные узниками надписи. О своей находке они сообщили в ИНП». («Газета wyborча», 29 марта)

- «Не может быть безопасной и зажиточной Польши, если нет безопасной и зажиточной России. Сдвинутая на обочину или сама отталкивающая других, закрытая для мира, нестабильная, сотрясаемая внутренними конфликтами Россия смертельно опасна для Польши. Политика, направленная против демократической, богатой, связанной с Европой крепкими культурными, экономическими и политическими узами России была бы для Польши безумной и самоубийственной. Поэтому подозрения, что политическая линия польского государства может быть антироссийской, абсурдны. Россия с крепкой демократией, гражданским обществом и открытой рыночной экономикой — для поляков ничуть не меньшая

ценность, чем для граждан России». (Анджей Йонас, «Одра», март)

- «Режим Лукашенко усиливает репрессии против поляков. Нападкам подвергаются даже наши дипломаты. Польский МИД вызвал белорусского посла и приостановил работу польского консульства в Гродно». («Жечпосполита», 28 марта)

- «МИД сообщил, что Польша ввела визовые ограничения для лиц, ответственных за фальсификацию белорусских выборов и репрессии против оппозиции. Кроме того, МИД предложил ЕС тоже ввести визовые санкции по отношению к вышеперечисленным категориям лиц. На европейском форуме МИД будет поддерживать «идею замораживания счетов лиц, ответственных за нарушение элементарных гражданских свобод» в Белоруссии». («Газета wyborcza», 28 марта)

- «Александра Милинкевича принимали в Польше как главу государства. Утром он беседовал с маршалом Сейма Мареком Юреком и вице-маршалом Брониславом Коморовским. Милинкевич поблагодарил их за поддержку, оказанную поляками белорусской оппозиции (...) Затем (...) его принял президент Лех Качинский (...) Во второй половине дня лидер белорусской оппозиции (...) встретился с депутатами «Права и справедливости» (ПиС) и «Гражданской платформы» (ГП, с которой он подписал декларацию о сотрудничестве), а также с маршалом Сената Богданом Борусевичем (...) Главным результатом визита стало соглашение между правительством и ректорами нескольких польских вузов, благодаря которому еще в этом году 300 белорусских студентов, исключенных за оппозиционную деятельность, получают стипендии в польских учебных заведениях». («Жечпосполита», 31 марта)

- «В пятницу белорусское правительство отозвало своего посла из Варшавы. «Посол Павел Латушко был отозван в Минск на консультации», — заявил пресс-секретарь белорусского МИДа». («Газета wyborcza», 1-2 апр.)

- «В ночь со среды на четверг в белостокской больнице умер вице-консул Польши в Гродно Рышард Бадонь-Лер. Две недели назад работники польского консульства нашли 64-летнего дипломата лежащим без сознания в его гродненской квартире. Из местной больницы он был перевезен на скорой помощи в Белосток. Там врачи обнаружили у консула внутричерепную гематому. Несмотря на операцию он так и не пришел в сознание (...) Ушибы указывают на возможность избиения». («Газета wyborcza», 7 апр.)

- «Вчера белорусские власти неожиданно освободили бывшего посла Польши в Белоруссии Мариуша Машкевича, который был арестован и избит 24 марта в ходе ликвидации в Минске палаточного городка оппозиции (...) Через пять дней после ареста Машкевич был переведен в больницу, откуда после выздоровления должен был вернуться в тюрьму. Однако его выпустили на свободу». («Газета wyborcza», 8–9 апр.)

- «Украина ввела запрет на ввоз польского мяса по настоянию российского правительства. Украина уступила, так как рассчитывает на возобновление своего экспорта в Россию (...) В начале марта прошли российско-украинские переговоры. Вскоре после этого Украина направила в Варшаву предупредительное письмо и не ответила на наше предложение о переговорах. Запрет на экспорт в Россию мяса, сыра и масла слишком важен для Украины, чтобы она не уступила требованиям россиян». (Кристина Нашковская, «Газета wyborcza», 28 марта)

- «Уже второй раз со времени своего вступления в должность президент Лех Качинский посетил Украину. В субботу он приехал на несколько часов во Львов, где принял участие в литургии в честь 350-летия обетов короля Яна Казимира, который препоручил занятую шведами Польшу покровительству Богородицы. Выступая в католическом кафедральном соборе, президент выразил надежду на скорое вступление Украины в НАТО, а затем и в Евросоюз». («Газета wyborcza», 3 апр.)

- Из интервью Ярослава Качинского агентству Рейтер: «Право и справедливость» будет и впредь вести проевропейскую и прорыночную политику, даже если придется поделиться властью с группировками, которые считаются антиреформаторскими (...) В случае реконструкции правительства курс внешней политики не изменится (...) Не будет такой политики, которая могла бы привести к падению злотаго. Мы не намерены лишать национальный банк самостоятельности, хотя не исключаем некоторого переопределения его задач». («Газета wyborcza», 27 марта)

- «Вопрос досрочных выборов возвращается как бумеранг (...) «Невозможно управлять Польшей, пока продолжается непрекращающийся скандал», — сказал вчера Ярослав Качинский». («Жечпосполита», 17 марта)

- Ярослав Качинский: «Мы — не антиинтеллигентская партия, но в какой-то момент мы пришли к выводу, что базу для перемен, которые, по нашему мнению, совершенно

необходимы, надо искать в другом месте». («Политика», 25 марта)

- «Распался стабилизационный пакт между ПиС, «Самообороной» и «Лигой польских семей» (ЛПС), [которая] заявила о намерении уйти в оппозицию». («Тыгодник повшехный», 2 апр.)

- «[Досрочных] парламентских выборов в мае не будет (...) Вчера Сейм отклонил предложение ПиС о самороспуске. Для принятия этого предложения не хватило 101 голоса». («Жечпосполита», 7 апр.)

- Согласно опросу ГфК «Полония», если бы выборы прошли в середине марта, за ГП проголосовали бы 35% избирателей (что дало бы ей 208 мест в Сейме), за партию Ярослава Качинского — 29% (170 мест). Кроме них в Сейм вошли бы еще только две партии: Союз демократических левых сил (СДЛС) с 8% голосов (48 мест) и «Самооборона» с 6% (32 места). Ни ЛПС, ни аграрная партия ПСЛ не преодолели бы пятипроцентный избирательный барьер. За них намерены голосовать по 2% опрошенных. («Жечпосполита», 22 марта)

- Из открытого письма, подписанного восемью польскими евродепутатами: «Развернутая коалицией «Права и справедливости», «Самообороны» и «Лиги польских семей» кампания против Лешека Бальцеровича, в которой принимают участие высшие государственные органы власти, угрожает польской экономике, вредит польской общественной жизни и портит образ Польши в Европе (...) Обнародованная на днях позиция Европейского центробанка стала драматическим откликом на такое положение дел». («Жечпосполита», 15 марта)

- Лешек Бальцерович: «Я говорю прямо, высказывая свое мнение относительно тех начинаний, которые сейчас обсуждаются и ставятся на голосование (...) Я говорю как человек, который уже 17 лет участвует в строительстве правового государства, дающего и защищающего свободу (...) Иногда я говорю эмоционально, так как речь идет об очень важных вещах (...) Предложение создать следственные комиссии — это злоупотребление конституцией (...) В Польше еще никогда никому не приходило в голову создавать следственную комиссию по изучению деятельности Польского национального банка. Такой политики никогда не было ни в одной цивилизованной стране». («Газета wyborcza», 16 марта)

- Из открытого письма 66 профессоров экономики со всей Польши: «Мы протестуем против организованной политиками ПиС, ЛПС и «Самообороны» травли независимых банковских институтов и президента ПНБ профессора Лешека Бальцеровича (...) Безосновательные сомнения, которым некоторые партии подвергают законность действий и эффективность польского банковского надзора, подрывают доверие к Польше в ЕС». («Газета wyborcza», 18-19 марта)

- «Парламент создал банковскую следственную комиссию (...) «Это хороший день для Польши», — считает ПиС. «Это покушение на независимость центробанка», — говорит Лешек Бальцерович (...) «Я должен добиться того, чтобы он [Бальцерович] ушел», — говорит Анджей Леппер». («Жечпосполита», 25-26 марта)

- «Ученый совет Колледжа экономического анализа [Главной торговой школы] выражает глубокую обеспокоенность и решительный протест в связи с политической кампанией против профессора Лешека Бальцеровича (...) Считаем нужным предупредить, что ставить под сомнение независимость ПНБ и банковского надзора — одной из основ банковской системы в современном мире — опасно для функционирования польской экономики (...) Мы возмущены уровнем дискуссии, которая выходит за рамки приличий. Мы хотим, чтобы для наших студентов, как и для нас, слово «парламентский» было синонимом умеренности и элементарной порядочности». Письмо подписали 29 членов ученого совета. («Жечпосполита», 30 марта)

- «Председатель Польского национального банка Лешек Бальцерович стал членом Группы авторитетов Института международных финансов (Group of Trustees, Institute of International Finance), созданной на встрече в Цюрихе». («Жечпосполита», 4 апр.)

- По мнению Ярослава Качинского, «относиться к [Конституционному] суду как «к группе мудрецов, не подлежащих никакой критике» — это просто недоразумение. Председатель ПиС добавил, что состав суда и политические связи судей должны стать предметом открытой дискуссии. Так Качинский отреагировал на отмену Конституционным судом нескольких статей закона, принятого в конце прошлого года голосами ПиС, «Самообороны» и ЛПС». («Жечпосполита», 24 марта)

- «Ни президент, ни премьер, ни маршалы Сейма и Сената не явились на ежегодное собрание судей Конституционного суда,

нарушая тем самым двадцатилетнюю традицию. Пресс-секретарь президента заявил, что одной из причин отсутствия Леха Качинского было его критическое отношение к решению суда по дополнениям к закону о СМИ». («Тыгодник повшехный», 16 апр.)

- Министр иностранных дел Стефан Меллер: «Государство, как и человек, переживает потрясения как от слов, так и от действий — или их отсутствия». («Жечпосполита», 1-2 апр.)

- Ярослав Качинский: «Газета выборча» — это поздняя, мутировавшая форма компартии Польши (...) Чем слабее «Выборча», тем лучше для Польши». («Ньюсуик-Польша», 26 марта)

- Сначала политики «Права и справедливости» подвергли нападкам юристов, потом хотели создать комиссию Сейма по расследованию деятельности СМИ начиная с 1990 г. и наконец атаковали Бальцеровича. Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, в споре ПиС с юристами 41% поляков поддерживает ПиС, а 30% — юристов; в споре с СМИ 22% считают, что права ПиС, а 52% — что СМИ; в споре с Бальцеровичем ПиС получила 40% поддержки, а Бальцерович — 30%. («Газета выборча», 16 марта)

- «Профсоюзные активисты «Солидарности» разных уровней шлют премьеру, президенту и министрам письма, в которых сообщают, кто навлек на себя их недовольство и должен быть уволен. Как правило, они добиваются своего (...) Директора предприятий, которым удалось купить расположение профсоюзников, часто стараются получить от них охранные грамоты. Тогда профсоюзники пишут министру: это прекрасный менеджер, он обеспечивает фирме развитие, благодаря ему царит социальное спокойствие и т.п. (...) Этим следует объяснять поразительные зигзаги кадровой политики на государственных предприятиях. Часто люди, которые считаются хорошими менеджерами и могут похвастаться неплохими экономическими показателями, с треском вылетают с работы, а другие, с сомнительной квалификацией, остаются на своих должностях». (Адам Гжесяк и Рышард Соха, «Политика», 18 марта)

- Координатор по делам спецслужб Збигнев Вассерман: «В прошлом году по сравнению с 2004-м число подслушивающих устройств, установленных Управлением внутренней безопасности (АВБ), Управлением разведки и Военной информационной службой (ВИС), увеличилось на 20-30%». («Газета выборча», 24 марта)

• Тадеуш Мазовецкий, первый некоммунистический премьер-министр Польши (1989–1990): «ПиС хочет иметь не только парламентское большинство, но и влияние на всю публичную жизнь, контролируя те ее сферы, которые в демократии — системе ограниченной власти — находятся вне пределов досягаемости правительства. Это показывает борьба с Конституционным судом и ПНБ». («Тыгодник повсехный», 26 марта)

• Тадеуш Мазовецкий: «Во всех стремительно множющихся сегодня кризисах, начиная со СМИ и кончая банками, мы имеем дело с запугиванием. Оказывается, всегда можно создать следственную комиссию (...) Для судьбы польской демократии необыкновенно важно противодействовать согласию общества со все более низкими стандартами публичной жизни». («Газета wyborча», 25–26 марта)

• Проф. Норман Дэвис: «В Польше нет недостатка в демократии, понимаемой как институт, но, пожалуй, ей недостает определенной демократической культуры, которая должна проявляться в функционировании институтов. Конечно, демократия может существовать и без культуры — даже на острове людоедов. Его граждане проголосуют за то, чтобы провозгласить людоедство официальным государственным строем, а после выборов правящая партия съест оппозицию. И дело с концом. Этот пример показывает, что политическая культура — не дополнение к демократии, а ее суть». («Ньюсуик-Польша», 9 апр.)

• «Сегодня наше членство в ЕС — это гарантия того, что безумства политиков не будут влиять на экономику. Сложившаяся практика свидетельствует о том, что, несмотря на множество опасений, ПиС не желает войны с Брюсселем». (Павел Яблонский, «Жечпосполита», 18–19 марта)

• «Иоанн Павел II напомнил нам слова св. Павла: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом». Эти слова были произнесены почти 14 лет назад, но и сегодня остаются все так же актуальны. Я напоминаю вам их в канун Великого четверга в контексте завещания Иоанна Павла II с огромной просьбой о примирении и взаимном прощении, повторяя вслед за св. Павлом: «Любовью служите друг другу»», — так завершил свою проповедь кардинал Дзивиш (...) После мессы (...) он объяснил, что этот призыв особенным образом обращен к политикам, ибо «поляки гораздо более едины, чем политики» (...) «Надеюсь, что этот призыв архиепископа Краковского найдет хоть какой-

то отклик у наших политиков», — сказал после мессы президент Лех Качинский». («Жечпосполита», 3 апр.)

Columns: No rows: Border: • «Несколько сот человек участвовали в воскресенье в Марше памяти в 63^ю годовщину ликвидации краковского гетто (...) Участники марша завершили свой путь на территории бывшего лагеря в Плашове, где они почтили память краковских евреев, уничтоженных нацистами». («Жечпосполита», 13 марта)

• «Белостокский ИМП возбудил дело о преступлении в Вонсоше (...) По свидетельствам очевидцев, ночью 5 июля 1941 г. полтора десятка жителей Вонсоша убили более ста местных евреев». («Жечпосполита», 13 марта)

• «Фонд Рышарда Краузе купил и передал в собственность Краковской архиепархии дом в Вадовице, в котором родился и на протяжении 18 лет жил Кароль Войтыла. В доме, как и прежде, будет находиться музей Иоанна Павла II (...) В 1911 г. двухэтажный дом на Костельной улице в Вадовице купили Розалия и Иехиель Баламуты. В 1919 г. отец будущего Папы снял у еврейской семьи две комнаты и кухню (...) Иехиеля Баламута, его жену и трех дочерей убили нацисты в лагере Белжец. Из всей семьи выжили только двое детей: Пепа, которая еще до войны уехала в Палестину, и Хаим, который добрался до СССР, попал в лагерь, а в дальнейшем выехал в Израиль (...) В 1999 г. покойного Хаима Баламута вспоминал на вадовицкой Рыночной площади Иоанн Павел II. После этого сын Хаима Рон побывал у Папы в Ватикане. По окончании процесса о наследстве (...) он решил продать дом, в котором с 1984 г. находится папский музей». («Жечпосполита», 1-2 апр.)

• «Уже 16 лет как мы живем в свободной Польше (...) И вот спустя 16 лет в Польше существует радио «Мария», которое в своих политических программах пропагандирует ксенофобию, шовинизм и антисемитизм (...) Премьер-министр, маршал [Сейма], министры и некоторые депутаты выступают в эфире этой радиостанции, что повышает ее ранг, вызывает к ней доверие и создает впечатление, будто государство солидаризуется с политической линией радио «Мария» (...) Я обращаюсь к Вам, господин премьер-министр и господин маршал, с просьбой предпринять шаги, которые положат конец идеологии, распространяемой радио «Мария» в ее политических передачах, вплоть до закрытия радиостанции (...) чтобы в свободной Польше все граждане, независимо от пола, вероисповедания и национальности, были равны и чувствовали себя как дома, а свобода слова соблюдалась до тех пор, пока она не угрожает демократии. Марек Эдельман». Автор

открытого письма — последний оставшийся в живых предводитель восстания в варшавском гетто 1943 года, кавалер ордена Белого Орла. («Жечпосполита», 6 апр.)

- Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, 70% поляков отрицательно оценивают факт частых выступлений политиков ПиС, включая премьер-министра и министров, в эфире радио «Мария». 15% относятся к этому явлению положительно. («Газета wyborcza», 8–9 апр.)

- Из письма председателю Епископской конференции Польши: «Уже долгое время Апостольский Престол пристально наблюдает за деятельностью в Польше радиостанции «Мария» (...) От внимания Апостольского Престола не ускользнуло участие радио «Мария» (...) в политических спорах (...) Поэтому Апостольский Престол настоятельно просит польских епископов согласованными действиями преодолеть нынешние трудности, порожденные некоторыми передачами и взглядами радио «Мария» (...) Передавая эти рекомендации, я убедительно прошу и настаиваю, чтобы Епископская конференция Польши объединила свои усилия и последовательно выполнила свой папский долг (...) подвергая решительной проверке папский аспект деятельности этой радиостанции и других связанных с ней средств массовой информации. Юзеф Ковальчик, апостольский нунций». («Газета wyborcza», 7 апр.)

- «В городах тает снег, из-под которого уже показались нечистоты. Размокшие собачьи кучи лежат на газонах и даже на тротуарах, так что нельзя ни пройти, ни взглянуть. Удастся ли когда-нибудь решить эту омерзительную проблему?» (Агнешка Незгода, «Политика», 1 апр.)

- «В Польше птичий грипп больше всего коснулся кошек, хотя пока ни одна из них не заразилась вирусом H5N1. Там, где обнаружены очаги болезни, хозяева кошек массово пытаются отдать их в приюты». («Ньюсуик-Польша», 26 марта)

- «В центре Торуня в закрытой клетке на берегу Вислы сидят почти сто лебедей. В стае обнаружен птичий грипп. Ветеринары хотят уничтожить птиц, но лебеди — охраняемый вид. Министерство охраны окружающей среды (...) не знает, как поступить». («Политика», 25 марта)

- «В ночь с понедельника на вторник 32 лебедя, зараженных вирусом птичьего гриппа и изолированных в вольере (...) на берегу Вислы в Торуня, были убиты внутримозговыми инъекциями». («Жечпосполита», 4 апр.)

• «Решение уничтожить лебедей принял главный ветеринарный врач д-р Кшиштоф Яжджевский (...) Министерство охраны окружающей среды не давало согласия на уничтожение стаи. Теперь дело врача разбирает Торунская прокуратура. Проблемы могут возникнуть и у самого министра Яна Шишко, который знал о намерениях ветеринаров (они консультировали с ним свой план), но не сделал ничего, чтобы их остановить». («Политика», 15 апр.)

• Ольга Токарчук, писательница: «Вчера в теленовостях показали маленькие портативные газовые камеры, в которых помещается полтора десятка птиц. «Для каждого хозяйства», — расхваливал устройства диктор. Есть и камеры побольше — для птицеферм. Одновременно в них можно посадить от нескольких десятков до нескольких сотен птиц. Газовые камеры выглядят как мусорные контейнеры. Птиц бросают туда через расположенное сверху отверстие, потом закрывают клапан и пускают отравляющий газ. В комплекте прилагаются также специальные щипцы, с помощью которых мертвых птиц вынимают, после чего отдают в утилизацию (...) Проблема животных выявляет нечто страшное и темное, что таится в глубине человеческого ума, но может в любой момент выйти наружу: отсутствие элементарного сочувствия, бездумную жестокость, самоубийственную уверенность в том, что мы, люди, отделены от других живых существ. Что мы особенные, религиозно и экзистенциально привилегированные». («Ньюсуик-Польша», 19 марта)

• Во вторник 4 апреля на Сальваторском кладбище в Кракове был похоронен Станислав Лем. Перед похоронами священник Ян Анджей Ключовский размышлял: «Я спрашиваю себя, поступаю ли я честно, молясь на похоронах неверующего человека? Честно ли я поступаю в отношении Станислава Лема? Ключ я нашел в стихотворении Тадеуша Ружевича, который говорит: «Неважно, что Ружевич думает о Господе Боге, важно, что Господь Бог думает о Ружевиче». Таким образом мы хотим показать Господу Богу все то хорошее, что оставил нам Лем». («Газета wyborcza», 5 апр.)

Олег Закиров

ЧАСТНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАТЫНЬСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Продолжение документальных записок

...каждый день молюсь за тех,

кто погиб в Катыни.

Иоанн Павел II

В ходе своего частного расследования мне не давал покоя вопрос: расстреливали ли польских офицеров только в подвале смоленской тюрьмы НКВД или были еще факты расстрелов прямо в Козьих Горах (т.е. в Катыни). Мне было трудно поверить в то, что энкаведисты в 1940 году как фашисты-эсэсовцы стреляли в людей у рва, что использовались гестаповские методы. Только через несколько лет от польского профессора С.З.Здроевского я узнал о совместных совещаниях гестаповцев и энкаведистов в 1939-1940 гг. в Закопане и об обмене опытом друзей по оружию (как сказал Сталин, «союз, скрепленный кровью»). Свидетели И.Титков, П.Климов и др. упоминали о расстрелах непосредственно в Козьих Горах — как бывший следователь я боялся внести противоречие в документы и понимал опасность этого. Уже после половинчатого признания М.Горбачевым вины СССР в уничтожении польских офицеров (13 апреля 1990) юрист Смоленского кооператива «Бутон» (майор КГБ в отставке) Александр Николаевич Смирнов развеял мои сомнения. Он вообще был не типичным ветераном госбезопасности, а исключением, так как с молодым энтузиазмом принял перестройку и искренне ненавидел свое бывшее место службы. Ему было около 60 лет, но он живо интересовался происходившими в стране переменами и был необычайно общителен. Узнав о моих исследованиях, Смирнов оживился и рассказал следующее.

В сквере на Блонье (это центр Смоленска) его знакомый, бывший сотрудник Смоленского управления НКВД С.М.Мокржицкий неоднократно рассказывал ему, что знает, как расстреливали в 1940 г. польских офицеров, потому что лично участвовал в расстрелах. В 1940 г. Мокржицкий служил в комендантской службе под командованием И.И.Стедьмаха.

Помимо прочего, они занимались и расстрелами. Расстрелы производились в Козьих Горах, около дач УНКВД. Группу пленных польских офицеров (около десяти или более человек) заводили в специально огражденное дощатым забором место, строили в одну плотную шеренгу (плечом к плечу) и устраивали перекичку. Палачи из команды Стельмаха, в том числе и сам Мокржицкий, с пистолетами в руках прятались за забором, у которого стояла скамейка. После окончания перекички они тихонько вставали на скамейку и стреляли полякам в затылок. Пока одни оттаскивали трупы расстрелянных в ров, другие сотрудники Стельмаха прибирали место расстрела, сыпали свежие опилки и приводили новую группу офицеров...

В первый момент я не мог поверить рассказу Н.Смирнова, но он сказал, что это слышал не только он, но и другие, назвал даже одного из присутствовавших при разговоре — Николая Ивановича Кузьмицкого. Эту информацию я сразу передал журналистам и генеральному консулу Польши в Москве Михалу Журавскому. Интересно, что позже, читая автобиографическую книгу Анджея Вайды (отец которого погиб в Катыни), я прочитал слово в слово вышеприведенное описание. Оказалось, что кто-то из польского посольства сразу ознакомил с моей информацией великого режиссера, который в то время случайно был в Москве.

Страхи мои были напрасны, так как через несколько лет, в ходе следствия по этому делу, предоставленная мною информация подтвердилась другими материалами и доказательствами. Действительно, были расстрелы в Катынском лесу. В спешке расстреливали по разному — у рва и в самом рву (о чем мне рассказал очевидец П.Климов). Палачи не могли справиться с таким объемом расстрелов (не менее 250 человек за ночь), и поэтому опыт гестапо им пригодился. По словам одного из участников расстрела польских офицеров, И.И.Грибова, он от усталости и бессонных ночей чуть не сошел с ума. Палачи утопали, захлебывались людской кровью и сами были на грани помешательства. Видимо, И.Грибов не выдержал «перегрузок» и, по словам свидетеля И.Титкова, покончил жизнь самоубийством прямо на чердаке здания управления НКВД по Смоленской области (перерезал себе горло бритвой). Не выдержал «кровавых кошмаров» и П.Карцев (очевидцы говорят, что он рыдал на польских могилах и каялся, в 1948 г. покончил с собой, как и Грибов).

Честно признаться — чем больше я занимался сталинскими репрессиями, тем меньше находил разницы между гестапо и

НКВД, между Гитлером и Сталиным.

Disable Rich Text Editor: If checked, the Rich Text Editor will be disabled for the "Text" and "Text w/Image" types (in this element only). Images: Insert one or more images. GIF JPG JPEG TIF BMP PCX TGA PNG PDF AI Position: В настоящее время вся правда и документы по делу №159 (о Катыни) вновь скрываются. Иногда документы прямо фальсифицируются прокуратурой (например, выводы собственного следствия, которые были в постановлении А.Ю.Яблокова от 13 июля 1994). Еще немного, и Главная военная прокуратура вновь заявит, что это дело рук немцев... Впрочем, я забежал далеко вперед, а пока была весна 1990-го, заявление ТАСС о Катыни, выступление М.Горбачева... вся вина за эти преступления сталинизма была свалена на Л.Берию и НКВД. Зная о постановлении политбюро ВКП(б) от 5 марта 1940 г., президент СССР умолчал о нем. Поэтому эйфория тех дней быстро сменилась горечью от недосказанности и неправды (меня особенно возмущало стремление вывести из-под удара руководство компартии и Сталина).

Помню, что объявление о суде надо мной было снято, суд отложен на неопределенное время. Так что благодаря Горбачеву я на себе ощутил временное ослабление травли, как бы точнее выразиться — временную полутравлю (созвучно с полупризнанием, прозвучавшим из уст главы СССР). Длилось это недолго — уже в мае 1990 г. меня вызвали в Москву на Лубянку (КГБ СССР), со мной разговаривали целых пять полковников КГБ, главным среди них был замначальника инспекторского управления КГБ СССР полковник В.В.Иваненко, который позже возглавил госбезопасность России (но ненадолго).

Это был скорее не разговор, а какой-то допрос по-китайски — когда на одного человека набрасываются с вопросами и угрозами сразу несколько человек. Кто-то, помню, задавал вопрос и выходил из кабинета, кто-то заходил и слушал мои ответы. Среди них был и начальник архива КГБ СССР. Анализируя позже эти вопросы, я пришел к выводу, что их очень интересовала степень моей осведомленности о катынском преступлении, а присутствовавший начальник архива мог сразу ее определить. На мои слова о том, что начальник архива КГБ СССР лучше меня знает все тайны катынского преступления, и на прямой ему вопрос, хранятся ли еще у него в архиве документы о Катыни, архивист многозначительно усмехнулся и не ответил. Помню, всемогущий Иваненко угрожал мне и вновь предлагал уехать из Смоленска в любую точку (географическую) страны. Иваненко

был рьяным исполнителем воли председателя КГБ СССР Крючкова, но это не помешало ему при Ельцине занять должность руководителя безопасности. Стремясь сохранить секреты КГБ о катынском убийстве, они как профессиональные покеристы не открывали передо мной карты — это лишний раз доказывает наличие важных документов об этом преступлении в архиве КГБ (в том числе, думаю, и в архиве Первого главного управления КГБ — разведки). Выходя из здания центрального аппарата КГБ СССР, я невольно вспомнил пошлую шутку председателя КГБ Крючкова, что внешние двери кабинета стерты больше, чем внутренние. Да, где-то здесь был подвал, в котором производились расстрелы жертв сталинских репрессий... Проходя мимо памятника «железному Феликсу», я еще не знал, что вижу его в последний раз. В тот же день я уехал из Москвы поездом в Смоленск к месту службы, хотя руководство Смоленского УКГБ питало надежду на то, что я уже не вернусь в их вотчину.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Столетняя женщина

я уж думал что это я
а это столетняя женщина
та что живёт во мне
благодарит меня за прошлые
и будущие годы
говорит возьми их себе
что мне до них
было и было
в ожидальнях ожидало
в недождальнях проходило
я вот себе говорит
возьму напоследок
пучок укропа
для малосольных
а ты делай что хочешь
ты младше на сто моих лет
говорит старая женщина
та что живёт во мне
я вот только ещё приведу себя в порядок
прибраться - то не успею
и сама закрою глаза
а ты закрой за мной

Множась в полёте

Пётреку Зоммеру

грачи предвечерние
множатся в полёте
вихрем
под охраной
пастыря направлений
более незримого
чем ветер
грачи вечерние
послушные
принуждёнью свободы
врассыпную
летят
над Жолибожем
без счёта и расчёта
не слишком высоко
недостаточно низко
хором однонаправленным роем
благовестят всё гуще и гуще
сверх моей веры
а я поддакиваю бескрылый
со дна площади Инвалидов
на которую они упадут вот-вот
как только над Жолибожем
превратятся в ночь

Деревьям на закате

такая туча а не гремит
такое зарево
и ничего
лес не убегай из леса
происходи в себе
по-своему
сосновому
ты непересчитанный
и ты сосна случайная
не надо нас давить
закат испепелит
только день до зари
вас он не тронет
доброй-вам-ночи
грибов полной
складывайте годы
урожаем времени
в годовые кольца свитки свои
успеете состариться всей гурьбой
и ты сосна тоже

Щебетень

в середине

августа

щебетень кленовая

дикий улей

дикий мёд диких пчёл

высоко в дупле леса
неотёсанного
Боже мой
дикий бортевод
кроме дёгтя
ничего у меня нет для тебя
стряхни с борти
светлое зерно кротости
чтобы оно взошло
прежде чем я одичаю
в своей горечи и темноте

Перевод Андрея Базилевского

Из последней книги Ежи Фицовского «Пантарей»,
«Выдавничество литерацке», Краков 2006.

По-польски

Люсьене Рей

Ни в одном ни в одном пейзаже
нету столько столько как тут как тут
терпеливости терпких трав
плоского долготерпенья низин
каждый из нас
врытая в землю ось
проржавевшая до корней
горизонт застыл и ни с места
одна карусель где-то на площади Поражения
в раскраске государственных ярмарок
головокружительно подтверждает

последние слова Галилея
и все-таки она вертится
вращающаяся виселица
из мозговых извилин
вытягивается и вьется
длинная длинная нитка
ею мы стреножены
ею одержимы
с вываленными языками
фейерверками
юмора висельников

P.S. я хотел бы это дать понять
иноязычным братьям но
опасаюсь что это непереводимо
может взмахами рук фокусника
но не словами я не нашел их
в иностранных словарях
огнеупорной терминологии
я думал о комментарии но
и он недоступен языкам
чужеземным
он только завел бы
в бездорожья в тощие торфяники
куда и единорог не забегает
где подыхают русалки
где из века в век доживает дни
эта гулко немая страна

в выкорчеванных зарослях
истории

Перевод Натальи Горбаневской

ЧЕЛОВЕК ПОГРАНИЧЬЯ

Пожалуй, Ежи Фицовский (1924–2006) — красочная фигура польской литературной жизни нашего времени. Одаренный необыкновенной восприимчивостью, он был открывателем «иных миров», вписанный в пейзаж польской и европейской культуры. Большой успех принесли ему исследования цыганской культуры, результатом которых стали книги «Польские цыгане» (1953), «Цыгане на польских дорогах» (1965), «Демоны чужого страха. Цыганские припоминки» (1986) и «Цыгане в Польше. История и обычаи» (1989). В его переводе вышли и стихи цыганской поэтессы Папуши. Переводил Фицовский и с других языков — с испанского (Лорку), идиша («Песнь о забитом насмерть еврейском народе» Ицхака Кацнельсона) и русского (сборник ранних, написанных по-русски стихов самого выдающегося польского поэта XX века Болеслава Лесьмяна). Кроме того, Фицовский — исследователь и издатель Бруно Шульца и автор статей о Лесьмяне. Покровительство двух этих писателей, укорененных в традициях еврейской культуры, заметно в его собственной лирике. В богатом поэтическом наследии Фицовского на первый план выдвигаются две поэмы — «Письмо Марку Шагалу» (Шагал написал к ней цикл иллюстраций) и «Чтение по пеплу» (1979), поразительный сборник стихотворений, посвященных Катастрофе еврейского народа.

Генеалогия словесности Фицовского, идущая от традиций культуры Книги, обращена к тому, что Лесьмян называл «магией слова». Но магия, волшебство, открываемое в языке, переносится и на образ явленной в нем действительности. Есть в этом нечто от «заговаривания», от поэтики чародейских заклятий. Это видно из породненного с живописью Тадеуша Маковского цикла «Маковских сказок» (1959) — одновременно и поэтического «перевода» живописных «сказочных» образов, и создания оригинальных, автономных лирических пейзажей. Эта линия поисков находит свое продолжение в следующих сборниках, что подтверждают их заглавия: «Амулеты и дефиниции» (1960) и «Письмо в картинках» (1962). Эта связь живописи с поэзией усилена музыкальностью стиха. И если Ружевич говорит о радикальном разрыве сегодняшней поэзии с музыкой, то лирика Фицовского — хотя и вырастает из схожего экзистенциального опыта, но из иной философии бытия — представляет собой художественно успешное опровержение

этого суждения. Это тоже наследие Лесьмяна, но преобразованное, профильтрованное через уроки авангарда. В этой музыкальности стиха — как и в выражаемой в его поэзии надежде на спасительный аспект общности человеческой судьбы — Фицовский остается поэтом одиноким, «отдельным», почти все время стоящим в стороне от центра, но в то же время создающим контрапункт главному течению поэзии своих польских ровесников, ознаменованному катастрофической атмосферой. Он, пожалуй, ближе к Чеславу Милошу, одним поколением старше его, — к позднему Милошу, способному быть «снисходительным» к слабости человека.

Открытость к другим, способность сочувствия — не только черты творчества Ежи Фицовского, но и суть его жизненной позиции. Участник Варшавского восстания, в 70^е годы он включился в движение демократической оппозиции, был членом КОРа, сотрудником самиздатской периодики, одним из редакторов первого неподцензурного литературного журнала «Запис». Он принадлежал к тем, кто в «политику» входит тогда, когда она начинает создавать реальную опасность принципам и ценностям общественной жизни, то есть тогда, когда следует занять позицию гражданского противостояния.

Ян Юзеф Липский

О ПОЭЗИИ ЕЖИ ФИЦОВСКОГО

Отрывок из рецензии на сборник Ежи Фицовского «Ксива» (Независимое издательство НОВА, 1979), вошедшей в книгу Яна Юзефа Липского «Статьи о поэзии» (Париж, «Институт литературы», 1987). Сокращения сделаны и подзаголовки даны редакцией.

Ян Юзеф Липский (1926–1991), польский литературовед, публицист, политический деятель-социалист. Боец АК, участник Варшавского восстания. В 1976 г. — один из основателей Комитета защиты рабочих (КОР). С 1980 г. деятель «Солидарности». С 1989 г. сенатор.

Фицовский не переводя дыхания стоит лицом к лицу с историей:

с религиозными и национальными преследованиями,

с унижением человеческого достоинства,

с угрозой жизни человека, с ложью

С лирикой Ежи Фицовского я сжился, начав обращать на нее внимание в литературных журналах еще до того, как в 1948 г. вышел первый сборник его стихов «Оловянные солдаты». Я читал все его книги: сборники стихотворений, переводы из Федерико Гарсии Лорки, цыганской поэзии Папуши, еврейской народной поэзии; прозу, родственную поэзии; его труды — этнографические (о цыганах) и литературные (о Бруно Шульце!); подготовленные им к печати письма Шульца с великолепными комментариями — одним словом, всё. У нас никогда не было трудностей во взаимопонимании, потому что почти всё нас объединяет. Мы принадлежим к одному и тому же поколению, которое иногда называют «аковским»^[1]. Не зная друг друга, мы сражались в подполье рядом, в одном и том же батальоне — и оба воевали в Варшавском восстании. Студентами нас соединила любовь к Бруно Шульцу, которая стала началом и фундаментом нашей дружбы. Мы вместе пережили почти тридцать нелегких лет, полных горечи, опасностей, изредка мимолетных радостей — всегда с

доверием друг к другу и во взаимной солидарности. Ничего удивительного, что и сегодня, как в 1944-м, хотя в то же время и по-другому, мы стали соратниками: оба оказались в Комитете защиты рабочих (КОРе).

Я не раз рецензировал сборники стихотворений автора «Ксивы», иногда не щадя поэта резко сформулированными замечаниями, но всегда восхищаясь его талантом и испытывая благодарность за его творчество. Прошло немало лет, в течение которых читатели поэзии Фицовского, затронутого дискриминацией и запретами, не имели возможности ее читать. И сегодня, когда я сажусь писать о сборнике «Ксива», да простят мне читатели рецензии такое личное вступление.

Своя картина мира

(...) Он начинал, как многие из его поколения, придавленный грузом опыта войны и потрясенный страшным поражением в нашей битве за Варшаву. Он принадлежал к поэтам, умеренно использовавшим опыт авангарда, хотя одним из его учителей был Юлиан Тувим. В более поздний период он искал вдохновения в польском и цыганском фольклоре. Однако Фицовского ни в коем случае нельзя назвать эклектиком: правда, он учился в разных школах, однако создал свою картину мира и свой поэтический язык.

В период уже полной зрелости, в годы после октября 56-го, окончательно прояснилась картина мира в его поэзии. Ее можно охарактеризовать тремя парами противоположностей: 1) ощущение опасности — и необходимость той безопасности, которую дает интимность (тут союзники — повседневно окружающие человека домашние предметы, насекомые, представляющие Аркадию: кузнечик, сверчок; меру миру он находил в собственном теле и теле той, что была ему близка, например замыкая пространство между пальцев ее ладони); 2) страх абстрактного — и жажда конкретного (...); 3) метафорика, противостоящая геометрии скрещающихся прямых; формы и движения живых существ, не поддающиеся тому, чтобы их рисовали с помощью линейки и угольника.

История, всегда присутствовавшая в этой поэзии, была тем, что угрожает человеку. Ибо это новейшая история, внутри которой мы живем уже десятки лет, бесчеловечная страна Абракадабрия.

Подходом, до сих пор господствовавшим в этой лирике, были поиски убежища, укрывища от натиска истории, от агрессивности Абракадабрии, от несущей порабощение

абстракции геометрических кубов и квадратов, символизирующих бесчеловечный мир учений, угрожающих свободе. Теперь в лирике Фицовского умолкли сверчки, развеялся образ малой частной Аркадии. Поэт теперь, не переводя дыхания, стоит лицом к лицу с историей: с религиозными и национальными преследованиями, с унижением человеческого достоинства, с угрозой жизни, с ложью. Видно, пришло такое время для поэта — и для нас, — что мы не хотим и дальше смиряться со всем этим, не хотим удовлетворяться полуправдой.

Я всегда боялся публицистики, которая врывается в организм стихов и превращает их в передовицы и фельетоны. И всегда боялся равнодушия поэтов, их бегства на луга и лесные полянки, обманчивых надежд на то, что цвирканье сверчка может оградить их магическим кругом от дурного мира, где уже навсегда останутся избиваемые и брошенные в тюрьму близкие, люди, у которых без анестезии вырывают личность. Надо прибавить, что Фицовский — поэт никогда не оказывался в этом магическом кругу мнимостей, из которого ничего не видно, кроме аркадийского самоудовлетворения. Я мог бы долго приводить цитаты из его стихов, в которых он выкрикивал или шептал свое «нет». Иногда они даже появлялись в печати: было такое время, несколько месяцев 1956–1957 гг., когда в литературной периодике можно было напечатать все, что ни до того, ни после в печать не проходило. В результате эти стихотворения не вошли в сборники, издававшиеся позже. Некоторые я и сейчас могу перечислить: «Улыбка» («Новая культура», начало 1957), «Да славится» («Жице литерацке», лето 1957) «Реабилитация» («Тыгодник заходний», июль 1957), «Плевок» («Жице литерацке», март 1957). Но и позже ему удавалось сказать немало — хотя редко ясно и прямо, ибо говорить приходилось в рамках известной всем пишущим повседневной игры с цензурой. И никогда это не была поэтизированная журналистская поденщина. Так случилось, что сегодня, когда поэт с решимостью, бьющей в глаза из каждой строчки его стихов, отказался от всяких попыток найти частное убежище («Счастья в доме не нашел — счастья не было в отчизне» — эти слова можно было бы поставить эпиграфом к новому сборнику Фицовского), — сегодня он достиг вершины своего лирического творчества.

Универсальный аспект

(...) Обещая в первой строке сборника: «Расскажу тебе историю / пока она не выплыла очищенной от нас / то есть от песка», — он ведет читателя по широко написанной панораме этой

истории: от ее катынских корней («Пророческая археология») через память о Казимеже Мочарском^[2] («Эпитафия») и стихи «Гданьский вокзал, год 1968»^[3] вплоть до сегодняшних дел и реалий: «Молитва за Станислава Пыяса»^[4], «Ноябрьская ночь 11 XI 1978»^[5], «Цыган молчит иначе» — стихотворение, которому предшествует волнующая ссылка на документ «Хартии-77»^[6] о гонениях на цыган в Чехословакии, уже переходящих в истребление (стерилизация цыганок), «Бог рождается»^[7] — стихотворение о судьбе украинцев за восточной границей Польши, «Совето» — посвященное мученичеству южноафриканских негров (хорошо, что в сборник включено и это стихотворение — оно придает панораме универсальный аспект).

История является поэту на фоне полусказочного пейзажа так часто, что с этого, может быть, стоит начать: мы видим создание мифа, живого мифа. В стихотворении «Бог рождается» — пейзаж «удушенных звонниц», зимний пейзаж Покутья, где «по лесам тенета / на беженцев святых / волки их остерегают / снег следы сметает / черемош шепотом подсказывает путь», пейзаж, в который вплавлены фрагменты искалеченных церковных скульптур и икон, пронзительный пейзаж гонений, уничтожаемой религии, истребляемой культуры, и все это — на языке символических образов. Природа участвует в этой войне на стороне человека (отсюда, например, очеловечивание Черемоша). Рядом с символикой порабощения и опасности появляется новая символика: виселица, петля, удушение («Григорий и Данило / висят на золотых вервиях / нимба»; «затягивают петлю горизонта»; «после помилования / от узла галстука»; «лаконичность веревки»; «вращающаяся виселица»), а также тюремных и полицейских реалий...

Борьба с политической демагогией

(...) До известной степени ново в поэтике Фицовского необычайное богатство средств, усвоенных польской лирикой за последние несколько лет — главным образом младшим поколением, приверженцами т.н. лингвистической школы. Своего рода языковое жонглерство, использование полисемии, разрыв и новое воссоединение фразеологических оборотов — все это перестало быть игрушкой, оказавшись функциональным методом для тех поэтов, основной навязчивой идеей которых стали проблемы порабощения сознания оруэлловским новоязом, политической демагогией, словесной манипуляцией. (...) Это — проявление углубляющегося общественного самосознания, осознания

механизмов манипуляции. Применение этих познаний бывает иногда отдалено от причин, которые вызвали к этому интерес, делается автономным, тем не менее сильно согласуется с атмосферой и содержанием социального и интеллектуального бунта, которому мы свидетели. (...) Особенно близко к публицистике Фицовский оказался в цикле стихотворений «Из записной книжки». Это заглавие отклоняет возможные претензии читателя: оно указывает на известную окказиональность, как бы сиюминутность этих стихов, велит условно рассматривать их скорее как сырой материал, чем как завершённое произведение искусства.

Юмор, правда, свобода

Тем не менее это только условность, у этих стихов в сборнике такие же права, как и у всех остальных. Стихотворение «Ой-ёй вылетела птичка» так прекрасно по концепции и бравурному осуществлению, что хотелось бы отказаться от всех опасений относительно соединения поэзии с публицистикой. Тезис о том, что пропагандисты отводят внимание граждан от существенных вопросов, как только положение становится опасным («когда (...) Пусто словленное в горсть / в кулак преображает кисть»), выражен автономно и вполне ясно. Чтобы написать такое стихотворение, надо не только иметь что сказать, но и располагать отлично действующим поэтическим воображением, безошибочно предлагающим образ, ситуацию, тон, и обладать поэтическим чувством юмора, а прежде всего — быть виртуозом языка (...).

Польская поэзия снова — и в этом нет ничего нового — сопутствует народу в его борьбе за независимость и свободу. (...) Сборник стихов Фицовского (...) — особенно хороший знак: это лучший сборник зрелого талантливого поэта. Видимо, поэзии полезна новая атмосфера резкой борьбы за правду, за человеческое достоинство, за жизнь свободную и ради свободы.

-
1. Аковский, аковцы — от АК, Армии Крайовой, главной силы вооруженного сопротивления в оккупированной нацистами Польше. — Здесь и далее прим. пер.
 2. Казимеж Мочарский, офицер Армии Крайовой, как и многие другие солдаты и офицеры АК при коммунистах был обвинен в сотрудничестве с гитлеровскими оккупантами. Приговоренный к десяти годам тюрьмы, был посажен в одну камеру с генералом СС Юргеном Штропом, палачом варшавского гетто, о чем позже написал книгу «Разговоры с

палачом» (в ПНР вышедшую в искаленном цензурой виде).

3. В 1968 г. с варшавского Гданьского вокзала уезжали те, кого вынудили эмигрировать, главным образом польские евреи.
4. Станислав Пыяс — краковский студент, убитый сотрудниками ГБ в 1977 году.
5. «Ноябрьская ночь» — название драмы Станислава Выспянского о начале восстания 1830 года. 11 ноября — дата провозглашения независимости Польши в 1918 году. В 1978 г. в этот день, который до 1939 г. был (и вновь стал после 1989-го) государственным праздником, впервые в ПНР прошли независимые демонстрации.
6. «Хартия-77» — крупнейшее в Чехословакии правозащитное объединение, основано в 1977 году.
7. «Бог родится» — начало одной из самых популярных в Польше рождественских колядок.

ПОЭЗИЯ ПОВЫШАЕТ ПРЕСТИЖ ГОРОДА

С 7 по 9 апреля во Вроцлаве прошел 11-й фестиваль поэзии «Порт Вроцлав». Накануне мы встретились с его организатором, 34-летним директором издательства «Бюро литерацке» («Литературное бюро») Артуром Бурштой. Надо сказать, что сама его издательская деятельность тоже начиналась с фестиваля поэзии.

— Мы существуем уже десять лет, сначала в Легнице, потом во Вроцлаве. Первый наш фестиваль прошел в июне 1996 г., и это положило начало всей нашей деятельности. Со временем, по случаю следующих поэтических фестивалей, мы стали маленькими тиражами выпускать книги. Например, тираж нашей первой книги «Три холодные страны» Мартина Светлицкого составил 99 экземпляров. Постепенно наша деятельность приобретала размах. Появились книги зарубежных авторов. Первыми были четыре книги ирландских поэтов, в частности, нобелевского лауреата Шеймуса Хини, все в переводах Петра Зоммера. Сегодня, после десяти лет работы, на нашем счету уже свыше ста книг — как известных польских поэтов, так и дебютантов, так как мы делаем ставку на молодых. Издаем мы и зарубежных авторов. Вначале мы интересовались английской поэзией. Мы можем похвастаться, что издали больше половины всех опубликованных в Польше после войны книг английских поэтов. Потом мы печатали поэтов из Словении, в последнее время стали интересоваться украинской поэзией.

— Трудно поверить, что издательство может печатать почти исключительно поэзию и существовать уже десять лет. Как это возможно?

— Мы действительно стали специализироваться на авторах и книгах, которыми большие издательства интересуются не так часто. Весь наш проект зародился и развивался очень естественным путем. Новые начинания вытекали из предыдущих. Не без значения и тот факт, что мы опираемся на дружеские контакты, т.е. «Бюро литерацке» построено не на тех принципах, которые свойственны крупным издательствам. Нам всегда везло, если говорить о местах, где мы работали. На протяжении восьми лет это была Легница, а потом — Вроцлав. Особенно эти последние, вроцлавские годы способствуют

нашему динамичному развитию, мы осуществляем все более значительные издательские проекты. Пример тому — наша новая серия «Зебра», в которой мы печатаем произведения выдающихся авторов, в том числе и тех, кого уже нет в живых, как Рафал Воячек. Мы не могли бы себе это позволить без поддержки властей Вроцлава, которые в нашем начинании увидели шанс повысить уровень литературного образования, а также усмотрели своего рода повышение престижа города от таких мероприятий, как наши фестивали. Все это позволяет нам делать то, о чем забывают другие издатели и что приносит нам удовлетворение.

— Трудно себе представить любую деятельность без страницы в Интернете. У вас это больше чем страница.

— Я приглашаю на наш сайт www.biuroliterackie.pl. Это развернутый портал, который состоит из нескольких сервисов. Приглашаю посетить наш книжный магазин, которым пользуются многие наши соотечественники во всем мире. Там можно найти не только книги нашего издательства, но и литературные журналы (включая архивные номера) и книги, которые редко бывают в традиционных магазинах. Важным местом является «Пристань» — это ежедневно обновляемый литературный сервис, в котором появляются впервые публикуемые стихи, эссе, фельетоны, звуковые файлы, а в последнее время и видеоклипы. Для тех, кто хочет следить за литературной жизнью, «Пристань» может быть хорошим гидом. Там сейчас свыше тысячи разных материалов, биографических справок. Можно встретиться с тем или иным поэтом и превратить эту встречу в замечательное приключение. Еще один сервис посвящен мероприятиям, которые мы организуем. Одновременно это и архив всех мероприятий, которые мы организовали, т.е. каждое событие имеет отдельный сайт с фотографиями, воспоминаниями, точными описаниями. И последний — это текущие информации о деятельности издательства.

— Вокруг издательства, фестиваля и портала «Бюро литерацке» образовался, по всей вероятности, круг друзей. Кому адресована ваша деятельность?

— На первый фестиваль во Вроцлав приехали любители поэзии со всей Польши. А теперь бывает, что приезжают и гости из-за границы.

Наш проект имеет всепольский характер. Он адресован, с одной стороны, людям пишущим, с другой — обычным читателям. Мы собрали интересные наблюдения относительно чтения в

Польше. Пользуясь данными о заказах на наши книги, мы могли бы создать карту читательских интересов, и оказалось бы, что вовсе не только в больших городах, таких как Варшава или Краков, есть читательская публика.

— *Кого вы издаете?*

— После шести лет интенсивного исследования английской литературы мы перенаправили наши интересы на Восток, зная, что на востоке Европы много интересных авторов и явлений. Мы начали с украинской поэзии, опубликовав самую обширную до сих пор антологию современной украинской поэзии в переводах Богдана Задуры. Книга «Стихи всегда свободны» вышла в прошлом году и очень быстро дождалась второго издания. И это связано не только с «оранжевой революцией», но и просто с большим интересом к украинской поэзии. Следствием этой антологии стали два сборника украинских поэтов — Юрия Андруховича и Сергия Жадана. На Украине эти книги вышли всего на несколько месяцев раньше. На днях появилась книга Василя Махно, украинского поэта из Нью-Йорка, — «34 стихотворения о Нью-Йорке и не только». Книга была опубликована до этого в Киеве, но в польском издании есть несколько новых стихотворений. И это не конец наших украинских планов. К фестивалю выходит музыкальный диск Юрия Андруховича и вроцлавского ансамбля «Квадриго» — впервые они встретились во время 10-го фестиваля. Для обеих сторон это был настолько интересный опыт, что мы решили запечатлеть его на диске. Мы хотим также заняться русской литературой. К 11-му фестивалю опубликована антология Виктора Ворошильского «Мои русские» — его переводы из русской поэзии. Может это, как и в случае украинской поэзии, станет толчком к новым проектам, связанным с русской литературой. Почетной гостьей фестиваля будет Наталья Горбаневская. На фестиваль приглашены также поэты из Белоруссии.

Беседовала Наталья Ворошильская

РОДСТВО ПО ВЫБОРУ

«...добавил бы в чужие он труды: трудолюбив — так собственного пота, ленив — так просто-напросто воды!»

Эти слова из «Проблем перевода» Леонида Мартынова, стихотворной полемики с закрепившейся во всеобщем сознании уверенности в том, что поэзия непереводима, наверняка могли бы послужить эпиграфом к только что вышедшей переводческой книге Виктора Ворошильского, который перевел это стихотворение тоже не случайно. Вопрос о неадекватности поэтических переводов оригиналам, разумеется, остается открытым. Стихотворение, заставляющее нас взволноваться, всегда будет существовать — как завершенное и неповторимое произведение — только на родном языке. С той оговоркой, что, когда поэта взволновало какое-то произведение на иностранном языке, оно, как правило, становится вызовом, прямо ему брошенным. Из этого-то волнения исходит своеобразный внутренний приказ, повелевающий ему попытаться проверить эти чувства на своем собственном языке. Я бы сказал, что это естественный рефлекс, вытекающий как из восхищения, так и из почитания — из того, от чего и зависит успех переложения чужого текста.

Так удачно сложилось, что, говоря о поэтических переводах Ворошильского, я чувствую себя избавленным от необходимости рассуждать о его мастерстве — это давно уже сделали за меня массы читателей и Польский ПЕН-клуб, присудивший ему премию за переводы.

Виктор Ворошильский, выдающийся поэт и прозаик, к тому же весьма активный участник польской литературной жизни, был не только энтузиастом, но и тончайшим знатоком литературы страны, с культурой, историей и даже географией которой так коварно связал поляков особый ход нашей истории. Вероятно, его интересу способствовало также обучение в аспирантуре московского Литературного института в 50-е годы; свою роль сыграли и установившиеся тогда знакомства и дружеские связи.

Невозможно недооценить значение русских мотивов в его творчестве — достаточно вспомнить, что героем его первого биографического романа «Сны под снегом» был автор неповторимой «Истории одного города»; затем из-под пера

Ворошильского вышли документальные или беллетризованные биографии Маяковского, Пушкина и Есенина. Не менее важную часть многостороннего наследия Ворошильского составляют и переводы из русской поэзии, над совершенствованием и отбором которых он работал вплоть до последних дней жизни. Это сравнительно скупое избранное он назвал «Мои русские» — отсылка к знаменитому посланию Мицкевича «Русским друзьям»^[1]. Переводы из 65 поэтов, «начиная с Пушкина», — это несомненное свидетельство искренней влюбленности в эту поэзию и в то же время своеобразный дневник поисков поэтического родства.

Составляя сборник, Ворошильский, думаю, не замышлял создать представительную антологию. Тем более, что в известной степени он это сделал много лет назад, в «Антологии новейшей русской поэзии», главным вдохновителем которой сам он и был. На этот же раз он произвел отбор в высшей степени личный — я бы даже сказал, интимный, касающийся не столько даже поэтов, сколько произведений, близких его поэтическому чувству.

Действительно, посмотрим, что вошло в том «Моих русских», изданный десять лет спустя после смерти поэта... Несколько лирических стихотворений Пушкина^[2], «Железная дорога» Некрасова; первые опыты русского модернизма вплоть до множества символистов нескольких поколений; стихи акмеистов, в том числе ранняя и поздняя Ахматова и Мандельштам (со знаменитым переводом «Жил Александр Герцович...», который стал популярным в Польше благодаря Эве Демарчик); стихи Есенина, Пастернака, Цветаевой. Из более молодых — стихи поэтов поколения последней войны, а также Бродского и Айги, популярных бардов³, ну и горсти менее известных современных поэтов, чье творчество в глазах Ворошильского по тем или иным причинам выглядело настолько привлекательным, чтобы напомнить о них польскому читателю.

65 поэтов! Это так, будто снова оказываешься на одном из многолюдных вечеров у Янины и Виктора Ворошильских: гости толкуются, не умекаясь в комнатах; большинство из них, хоть и не все, — старые знакомые; есть несколько первоклассных фигур, но и остальные — недюжинные, каждый представляет собой личность, ни одного пустого места. А еще в этом доме отлично кормят.

Если в «Моих русских» что-то поражает, то как раз это наличие множества имен, быть может, менее популярных, но

несомненно важных и заслуживающих знакомства с их творчеством. И они отнюдь не составляют фона, который предназначен оттенить богатое собрание знаменитых и славных или показать атмосферу, настроение, наконец, почву, из которой те выросли. Каждый здесь остается самим собой, и все суверенны, все — очевидные индивидуальности, без которых поэтическая карта России была бы заведомо неполной.

Вытекающая отсюда широта диапазона переводческих интересов Ворошильского очевидна, как и разнообразие типов поэтики и версификации, с которой мы встречаемся в его переводах. С одной стороны — изменчивая настроенность одиноких созерцателей Хаоса со всеми их метафизическими поисками, а с другой — горькие апокалиптические пророчества их последователей, а то и шершавые агитки их антагонистов. Рядом с ноткой иронии родом из «Сатирикона» или обериутов — поэзия эпохи «массовой культуры» или костюмированное представление «поэтики китча». С одной стороны — кристальная чистота пушкинской строфы, гармонические классические тона, с другой — дисгармония стиха, полное расшатывание синтаксиса и семантики. Размах внушительный.

Возвращаясь, однако, к личным критериям, которыми руководствовался Ворошильский, готовя издание «своих русских», думаю, что принципиальным значением, помимо чисто эстетических соображений, а также обычной человеческой симпатии, для него обладало пронзительное чувство общей судьбы.

Когда-то он написал в одной из своих вступительных статей: «...мессианизм, триумфы, покаяния — за всем этим стоял медный колосс империи, огромность ее пространства, миграций населения, деспотизма, войн и революций. Русскую поэзию трудно себе представить без этого тыла».

«Медный колосс империи» — или, читая по-мицкевичевски, знаменитый «водопад тирании». Он причиной тому, что естественный для художника конфликт с обществом в рамках, созданных этим «колоссом», неизбежно перерождался в конфликт с властью. И даже если такой конфликт — не специфически русская черта, то нигде он не протекал так драматически, как в России.

Когда в середине 1960-х мы втроем (третьим был покойный Витольд Домбровский) составляли вышеупомянутую «Антологию современной русской поэзии», нам не приходило в голову, что трудности с ее выходом будут вызваны не отбором

текстов (жертвой цензуры пали только отдельные стихотворения Волошина, Галича, Бродского и, на удивление, Вертинского), но трудолюбиво составлявшимися биографическими заметками. У подавляющего большинства поэтов биография складывалась «нецензурно», составляла крайне трагическую череду событий, чаще всего кончавшуюся самоубийством, убийством в застенке, гибелью в лагере. Впрочем, достаточно было и того, что годы смерти самых видных из них выпадали на годы террора. И это было главной причиной, по которой антология застряла в утробе черных кабинетов почти на шесть лет и вышла только в 1971 году. Но мы были поражены, когда обнаружилось, что, совсем об этом не думая, мы начертали таблицу, свидетельствующую о бойне, через которую прошло несколько поколений русской интеллигенции.

В важных, как всегда у Ворошильского, примечаниях и комментариях к «Моим русским», он пишет — говоря о биографии Пушкина — об «особой модели жребия русского писателя». «Эта драматическая модель, — признаётся Ворошильский, — пожалуй, вообще стояла у истоков моего увлечения русской литературой».

Так, словно в давней московской поговорке, популяризированной [в Польше] благодаря «Мастеру и Маргарите», мы теперь знаем, кто виноват во всем этом литературном замешательстве. Действительно, все начинается с конфликта Пушкина (пусть даже несколько мифологизированного) с его царственным цензором. Над конфронтацией века — Поэт и Царь — вознеслась аура декабристского бунта, и весь контекст этой конфронтации положил начало драме неравного боя, столкновения мысли с нагайкой, отчаянной драки пера со скипетром.

В книгу «Мои русские», которой издаелека покровительствуют двое юношей, некогда застывших перед памятником «венчанному кнутодержцу», заложено стремление верно показать все, что соединяло и соединяет поэзию их народов, то есть, банально говоря, восприимчивость к красоте мысли, высоте духа, тоске по свободе. Но ценнее всего мне кажется в ней тон, продиктованный благородной потребностью сочувствования. Я имею в виду ноту братства, взятую хотя бы в «Союзе друзей» Булата Окуджавы, который я услышал впервые в исполнении автора именно в доме Ворошильских. Ноту тем более проникновенную, что вскоре этот дом стал одним из центров подпольной деятельности и в то же время убежищем для многих преследуемых, за что хозяин дома чрезвычайно

быстро поплатился гонениями, включая запрет на публикации, арест и пребывание в лагере интернированных.

Вероятно, и этот вид родства имел в виду Ворошильский, давая своей антологии подзаголовок «От Пушкина до Ратушинской», так как не стоит забывать, что Ирина Ратушинская в то время, как он переводил и печатал ее стихи, сидела в лагерной зоне.

-
1. Следует отметить, что в заглавии книги Ворошильского стоит то же слово «moskale», «москали», что и у Мицкевича, в данном случае не носящее обидного оттенка, а лишь намекающее на обычное обидное употребление и одновременно его отвергающее. Так же, как заглавие послания Мицкевича традиционно — и верно — переводится «Русским друзьям», мы переводим заглавие книги Ворошильского не «Мои москали» (так ласково и любовно называли в доме Ворошильских многочисленных заезжавших в Варшаву русских друзей), а «Мои русские». — Здесь и далее прим. пер.
 2. Осмелимся добавить, что среди .этих переводов — эпический «Странник», стихотворение 1835 года, не всякому русскому читателю Пушкина хорошо известное.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• «Если взять сегодняшнюю газету и почитать о проблемах с терроризмом, с контролем над Интернетом или с генетически модифицированными продуктами, нам будет трудно найти тему, которой не предвидел бы Станислав Лем. Все мы живем сегодня в одном из его романов», — написал после смерти писателя Войцех Орлинский. Лем был необыкновенным человеком и необыкновенным писателем. Его книги издавались во всем мире — говорят, что их общий тираж достиг 27 млн. экземпляров. Они были переведены на 41 язык. На своем интернет-сайте он написал: «Меня раздражает зло и глупость. Зло вытекает из глупости, а глупость кормится злом (...) Вся история человечества — это лишь доля секунды на геологических часах. Мы живем в темпе невероятного ускорения (...) Располагая все более мощными технологиями, мы все хуже контролируем направление, в котором они идут». Писатель и философ, автор книг, не поддающихся жанровой классификации, Лем был также человеком необычайной восприимчивости ко всему, чем живет мир. Он был чрезвычайно популярен в России, и именно своим русским читателям, приглашенным побеседовать с писателем в Интернете, он посвятил свой последний фельетон в «Тыгоднике повсехном», напечатанный в прошлом номере «Новой Польши».

• «Бальтазар. Автобиография» — так называется последняя книга Славомира Мрожека, автора замечательных рассказов и драматических произведений, пожалуй, самого популярного современного польского драматурга. «Бальтазар» — это своего рода психотерапевтическая книга, написанная Мрожеком после тяжелого инсульта. Работа над ней позволила ему вернуться к жизни и полностью восстановить свою писательскую форму. «В этой книге Бальтазар (т.е. Мрожек) подводит итоги своей жизни (т.е. считает) и оценивает самого себя (т.е. взвешивает), — пишет в предисловии Антоний Либер. — Поскольку у него нет никакого царства и делить ему нечего, он делится тем, что у него есть, то есть своей мудростью. А мудрость говорит: наше внутреннее единство обеспечивают память и язык. Вот единственное царство человека». И еще два признания самого Мрожека. В беседе с

Катажиной Кубисёвской он сказал: «Смерть для меня — что-то очень естественное. Я не вижу в ней никакого табу или проблемы, никакого «скандала», столь милого сердцу классиков экзистенциализма. В этом смысле мне можно верить, так как я умирал не от избытка воображения, а с согласия медицинской науки, которая очень удивилась, когда я в конце концов все-таки не умер». Второе признание сделано на страницах «Бальтазара»: «Что бы я ни написал в будущем, нет никаких сомнений, что я принадлежу Польше. А ведь еще совсем недавно бывало по-всякому».

- Прошедший в этом году в одиннадцатый раз поэтический фестиваль «Порт Вроцлав» становится одним из самых значительных в Польше литературных событий. Организатор и душа фестиваля — директор издательства «Бюро литерацке» Артур Буршта. В этом году во Вроцлав приехали гости из Белоруссии и с Украины, а главным событием стала презентация антологии русской поэзии «Мои русские» в переводе скончавшегося десять лет назад Виктора Ворошильского. «Книга Ворошильского, охватывающая почти 200 лет русской поэзии, на долгие годы останется точкой отсчета для читателей и исследователей литературы наших восточных соседей», — сказал Буршта. По мнению же поэта и критика Кароля Малишевского, эта книга — ««квинтэссенция русского духа», необыкновенное свидетельство восхищения инаковостью и близостью соседа, судьбами поэтов и стихов». (См. также беседу Натальи Ворошильской с Артуром Бурштой на стр. 67 и статью Анджея Мандальяна на стр. 69 этого номера.)

- Премии журнала «Пшеглэнд всходний» («Восточное обозрение») за лучшие публикации по истории и современности Восточной Европы и России (в пределах бывшего СССР) получили: Тадеуш Эпштейн — за книгу «С пером и палитрой. Интеллектуальные и художественные интересы польских помещиков на Украине во второй половине XIX века»; Гжегож Грыцюк — за книгу «Национальные и демографические изменения в Восточной Галиции и на Волыни в 1931-1948 годах»; Влодзимеж Менджецкий — за книгу «Польская интеллигенция на Волыни в межвоенный период»; Ежи Рогозинский за книгу «Святые, флагелланты и красные ханы. Перемены в мусульманской религиозности в советском и постсоветском Азербайджане».

- В списке бестселлеров все снова пришло в норму. Лидирует Иоанна Хмелевская со своей «Бледной спирохетой», а в спину ей дышат Мария Нуровская («Две любви») и новенькая — Мария Мадера («Друзья»), о которой Анджей Ростоцкий пишет:

«У этой молодой и, судя по фотографии, привлекательной женщины есть талант. В своем очень краковском романе она поражает читателя трезвостью наблюдений, самоироничной отстраненностью и непринужденным чувством юмора. История группы друзей, естественной средой обитания которых была пивная «Печальный Банась», рассказана изящно и с обаянием». В категории документальной литературы впереди книга Марека Лясоты «Донос на Войтылу» — первая публикация, основанная на материалах спецслужб ПНР, собранных на протяжении нескольких десятков лет слежки за епископом и кардиналом. «Это оптимистическая книга, ибо она доказывает беспомощность огромного аппарата насилия перед лицом такой малости, как человеческая совесть», — пишет все тот же Анджей Ростоцкий.

- Как пишут авторы «Биографического словаря истории Польши», «главная цель этого труда — предоставить читателю основные, популярно изложенные сведения о людях, которые оставили заметный след в истории польского государства. Мы старались смотреть на этот более чем тысячелетний период сквозь призму истории не только польского народа, но и всего жившего на этих землях сообщества и созданных им культурных богатств». Новый лексикон — это два тома, пять тысяч биографических статей и почти сто авторов.

- На X Пасхальный Бетховенский фестиваль съехалась целая плеяда замечательных исполнителей, среди которых звездами первой величины были музыканты оркестра Санкт-Петербургской филармонии — старейшего в России симфонического оркестра. Концерт для виолончели с оркестром ми-бемоль мажор, соч. 107 Дмитрия Шостаковича в сотую годовщину со дня рождения композитора исполнила выдающаяся виолончелистка Наталья Гутман. А Эльжбета Пендерецкая, инициатор и душа фестиваля, сказала на церемонии открытия: «Культура делает мир более человечным, облагораживает его, сплавливает любое общество».

- В Варшаве на 77-м году жизни скончался Аугустин Блох — известный композитор («Остробрамская литания», балет для детей «Крепко спящая красавица») и организатор музыкальной жизни, многолетний председатель программной комиссии «Варшавской осени».

- Уже 40 лет существует «Галерея Фоксаль» — одна из самых маленьких галерей Варшавы, в которой выставляются самые крупные мастера. Это была первая польская галерея, получившая признание на Западе. В ПНР она была вне конкуренции, но и сегодня у нее остаются верные поклонники.

О ее первых шагах рассказывает один из ее основателей, а ныне директор Веслав Боровский: «Все началось со встреч в кафе. Мы были группой непокорных художников и критиков, и нас интересовало искусство, отличавшееся от того, что выставлялось в государственных выставочных залах. Правда, политические репрессии уже кончились, но с властями надо было считаться». В числе основателей галереи были такие выдающиеся мастера, как Генрик Стажевский, Тадеуш Кантор и Эдвард Красинский. Здесь дебютировали, в частности, Леон Тарасевич и Мирослав Балка.

• «Откровение — так я назвала бы встречу с живописью Рафала Мальчевского, — пишет Моника Малковская. — Впервые после войны у нас появилась возможность увидеть его творения. Это самое интересное событие сезона в варшавском Национальном музее (...) Экспозиция позволяет нам понять феномен Закопане — некогда бедной деревни, а теперь царства снобов (...) Одним из поклонников Закопане был Рафал Мальчевский, сын [выдающегося художника] Яцека Мальчевского (...) Горнолыжник, альпинист и автомобилист, всесторонне одаренный и всем интересующийся непоседа, он передавал красоту гор не только в картинах (...) В 30-е годы критика провозгласила его самым талантливым и многообещающим польским художником (...) И сегодня его картины обращают на себя внимание своей необыкновенной атмосферой».

• «Когда-то самым ярким графическим акцентом на наших улицах были художественные плакаты. Сегодня это гигантских размеров рекламы. Их трудно победить, но борьба продолжается, — пишет Агнешка Ковальская, комментируя выставку «Постеры пост-эры» в варшавском музее плаката. — Уличные партизаны, молодые художники, часто работающие под покровом ночи, рисуют красками и спреем, расклеивают свои собственные рисунки и плакаты». Именно этим произведениям посвящена выставка, с открытия которой началось празднование 40-летия Биеннале плаката.

• Между тем в Париже на аукцион были выставлены плакаты авторства одного из старейших польских мастеров, умершего десять лет назад Романа Цеслевича. Часть наследия великого художника купили музеи Познани и Варшавы.

• 18 апреля на польском рынке появилась новая ежедневная газета, которая называется просто «Дзенник» («Ежедневная газета») и финансируется концерном Акселя Шпрингера, издающего уже прижившиеся у нас еженедельник «Ньюсуик» и газету «Факт». Неизвестно, будут ли у новой газеты читатели, но одна лишь весть о том, что она будет издаваться, заставила

господствующую на польском рынке «Газету wyborчу» снизить цену почти вдвое. Так что нам, читателям, это уже принесло пользу.

- Хотя Конституционный суд пришел к выводу, что новая руководительница Всепольского совета по телевидению и радиовещанию была назначена на свою должность незаконно, та уже начала свое нелегальное правление — с наложения штрафов за аморальные программы. Огромные штрафы были наложены на два крупнейших в Польше частных телеканала — «Польсат» и ТВН. Безнаказанными остаются лишь СМИ отца Рыдзыка, так как их ошибка заключается не в моральной, а в политической «некорректности» (так эвфемистически называются антисемитские выступления). Может быть, это свидетельствует о том, что политика перестает играть на польской публичной сцене какую бы то ни было роль?

- В этом году присуждаемые журналистам премии им. Дариуша Фикуса получили начальник бизнес-редакции ТВН Роман Млодковский (в категории «творец СМИ») и корреспондент газеты «Жечпосполита» в России Павел Решка (в категории «творец в СМИ»).

- В атмосфере поднятой СМИ шумихи судебный исполнитель наложил арест на помещение варшавского клуба «Le Madame», где, в частности, проходили спектакли альтернативных театров, выставки, встречи и хэппенинги — зачастую спорные и даже скандальные. Формально судебный исполнитель имел на это право — у клуба была огромная задолженность по арендной плате. «Судебный исполнитель и полиция в «Le Madame» — вот символы отношения властей к культуре, — пишет Дорота Ярецкая. — Город, которому принадлежит помещение, установил такую высокую арендную плату, что владельцы клуба перестали справляться (...) Для одних культура — это комплекс государственных институтов (...) В такой культуре лучше всего то, что она прекрасно сама себя понимает. Поэтому необходимо ее поддерживать, давать ей дотации, устраивать празднества и торжественные церемонии (...) Для других культура там, где собрались люди (...) Но такая культура всегда готова на провокации, ведет себя вызывающе и идет, куда хочет».

- В старой вилле в Константине-Езёрной под Варшавой расположился необычный музей — Storyteller Museum, Музей рассказчиков. «Движение за возрождение устного рассказа появилось во всем мире лишь потому, что люди нуждаются в разговоре, хотят посмотреть друг другу в глаза, поделиться тем, что у них на душе, — говорит хозяин виллы-музея Михал

Малиновский. — Это почти физиологическая потребность. СМИ пытаются подменить ее эрзацами, но она возвращается. Людям, живущим вдали от родного дома, устные рассказы помогают найти корни, дают ощущение принадлежности к общине, возвращают потерянное самосознание». У Малиновского огромные планы. В его музей приезжают рассказчики со всего мира. Он ездит по миру с польскими рассказами. По словам польского поэта XVII в. Мацея Казимежа Сарбевского, «испанец по природе своей богослов, итальянец — философ, француз — поэт, немец — историк, поляк — оратор».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

С некоторых пор в нашей публицистике, посвященной вопросам культуры, появился термин «историческая политика». Это термин без особо точного определения, однако речь идет, грубо говоря, о политической инструментализации истории. Исторической политике или даже «политике памяти» посвящен целый блок материалов в последнем номере гданьского ежеквартального журнала **«Пшеглёнд политичный»** (№75, 2006). Говоря об этом понятии в интервью, озаглавленном «Достаточно ли исторической истины», профессор краковского Ягеллонского университета Анджей Хвальба констатирует:

«Оно, можно сказать, вторглось каких-нибудь года два назад. Раньше ни в польской исторической литературе, ни в публицистике оно, собственно говоря, не использовалось. (...) Появилось оно особенно под влиянием [начатой немцами] дискуссии о Центре против насильственных выселений [который собираются создать в Берлине], а также реакции на политику Путина, то есть по причинам, идущим из-за границы».

Это верно, но в конце концов какая-то «историческая политика» была всегда — достаточно просмотреть школьные учебники, меняющиеся с ходом времени и сменой политических систем. Сегодня этот феномен укрепляется, и инструментализация истории политиками становится довольно распространенной практикой. Это, кстати, отличный инструмент пробуждения чувства обиды и раскручивания националистических эмоций. За примерами ходить недалеко. В последнее время, например, мне оказал честь интернет-портал «Иносми.ру», опубликовав статью из «Новой Польши» об отношении парижской «Культуры» к «украинскому вопросу». Оказали мне эту честь неслучайно, портал тоже неслучайный, и неслучайными оказались комментарии российских пользователей Интернета, которые в моей статье прочитали не то, что я написал, а то, что им хотелось прочитать. А жаль, потому что разговаривать есть о чем. Было бы неплохо, если бы слово взяли не случайные спорщики, а люди, для которых вопрос о том, как будет выглядеть Центральная Европа,

представляет интеллектуальную задачу, а не предлог к склоке, на мой взгляд устарелой, о «сферах влияния».

По этому случаю я все-таки хотел бы два вопроса разъяснить. Во-первых, «Культура» — а в особенности ее редактор Ежи Гедройц — с самого начала стала на проукраинскую позицию и отвергала какие бы то ни было территориальные претензии к Украине, что раздражало как польское правительство в изгнании, так и немалую часть общественности в Польше, особенно ту, что после войны была переселена с востока на запад. Отказ от всяких попыток господства над восточными соседями — независимость которых составляла основу программы Гедройца — он считал фундаментом будущей польской восточной политики. Он также полагал, что отказ России от господства над этими странами может создать основу для хороших польско-российских отношений — одну из основ, хотя, разумеется, не единственную. На поляков Гедройц оказывал влияние, претензий влиять на русских у него не было. И, наконец, во-вторых: в своей статье я писал не о сегодняшнем или завтрашнем дне, а о конкретном вопросе — эволюции позиций «Культуры» и ее окружения, исходящих из исторического опыта и стремящихся преодолеть польские обиды. При этом обойти молчанием сам этот исторический опыт было невозможно: абстрагироваться от фактов я не мог.

Комментарии пользователей, собственно говоря, меня не поразили. «Поляки — враги России», — это я прочитал. Поляки хотят господства на востоке — так прочитали мой текст. Администратор портала цензурировал высказывания, вырезая главным образом глаголы, связанные с деятельностью детородных органов. Однако он не вырезал существительное «пшек» — вероятно, милое его сердцу определение поляка. И хорошо сделал. Цензура — это попросту скандал. На будущее скажу, что надо оставлять высказывания пользователей в изначальном виде — это всегда оживляет дискурс. А на российские порталы я заглядываю с интересом. Например, года два назад мне очень понравилась реакция российской публики на протест украинских писателей против признания русского языка на Украине государственным на равных правах с украинским. Авторов воззвания попросту смешали с грязью.

В этом году мы в Польше — по решению Сейма — отмечаем Год Гедройца. Быть может, стоило бы, учитывая то уважение, с которым Ежи Гедройц относился к русской культуре и русскому народу, подумать о том, как он представлял себе будущее нашей части Европы. Нет никакого сомнения, что в коммунистические времена это был единственный журнал,

последовательно выдвигавший тезис о неизбежности распада СССР и о возрождении России, а также Украины и Белоруссии как демократических государств. Этот тезис требовал, чтобы из него сделали определенный вывод — предположение о партнерских отношениях всех стран этого региона, в особенности же о партнерских и равноправных отношениях между Россией и Польшей. Не случайно Меровский писал о том, что независимость Украины и Белоруссии лежит не только в польских, но и в российских государственных интересах. Это предвидение, как и любое другое, тоже подлежит дискуссии, но для такой дискуссии следует найти основу, обретая пространство взаимопонимания. Я опасаясь, что обретению такого пространства отнюдь не способствует то, что называется «исторической политикой», то есть то, что скорее умножает конфликты, нежели разряжает их и сглаживает. История у нас сложная, но есть и шансы построить общее будущее.

Вопрос связывания прошлого с настоящим и будущим несомненно остается одним из важных факторов, определяющих самосознание обществ, народов и государств. Дариуш Гавин в опубликованной «Пшеглэндом политичным» статье «О пользе и вреде исторического ревизионизма» пишет:

«Эволюция критического патриотизма началась [в Польше] на рубеже 50–60-х годов, а кристаллизовалась и закрепилась в момент возникновения демократической оппозиции в 70-е. Если суть этой позиции — уверенность в необходимости борьбы со стереотипами, мифами, распространяемыми в отечественной культуре, то такая позиция естественно находит немало аналогов в более отдаленных временах. Достаточно сказать, что против романтических национальных мифов, легенды повстанчества, сарматских традиций боролись как варшавские позитивисты, краковские «станчики» [одна из самых влиятельных школ историков в XIX веке. — Л.Ш.], так и национал-демократы. (...) Заповедь постоянного пересмотра своего национального прошлого особенно четко сформулирована в знаменитой статье Яна Юзефа Липского «Две отчизны, два патриотизма. (Заметки о национальной мании величия и ксенофобии поляков)» [см. «НП», 2001, №2]. (...) Как в призме, в ней сходятся все нити, составляющие специфически польский вариант исторического ревизионизма и проводимой на его основе исторической политики. Липский противопоставлял патриотизм, основанный на христианской любви к ближнему, шовинизму, национальной мании величия, национальному эгоизму, ксенофобии. Однако понятия эти он по существу рассматривал весьма широко, в

ходе своих рассуждений неявно полагая, что их поддерживают также обычные национальные стереотипы, на вид имеющие с ними мало общего. (...) В рассуждениях Липского неясным остается момент, в котором он приравнивает национальную манию величия к злу — признавая, что хотя вина за укрепление национальных мифов нравственно не так велика, как активное причинение зла, тем не менее она остается источником зла (...). Если домыслить, то каждый, кто обладает слишком хорошим национальным самоощущением, кто не проявляет готовности пересматривать это самоощущение, кто неспособен стать лицом к лицу с неудобными, жестокими истинами, — хоть и бессознательно, дает злу пищу. (...) Хотя у Липского речь идет о бдительности в отношении прежде всего той кампании пропаганды патриотизма, которую вели власти ПНР, позиция осторожности силою вещей начинает относиться ко всем национальным символам. Никакое их использование критический патриот не может принимать бездумно: он должен включать здесь рефлекс своего рода инстинктивной, автоматической подозрительности, должен сразу ставить вопрос о чистоте намерений».

Далее в своей статье, критическом прочтении текста Липского, Д.Гавин пишет:

«В 80-е годы (...) появилось немало текстов, продолжающих затронутые Липским темы. Нарастал интерес к вопросу польско-еврейских отношений, усиливалось увлечение некогда многокультурными польскими окраинами, стихийно развивалась мода на чешскую литературу (тоже часто воспринимаемую в духе пересмотра отечественных стереотипов — как доказательство того, что возможна нормальная, мещанская, прагматическая славянская культура, избавленная от заразы мессианства, ненужной траты сил в восстаниях и т.п.). (...) Однако неизбежно возникла принципиальная трудность. Одним из следствий выдвигаемой Липским позиции критического патриотизма должно было стать не только преодоление в себе губительных ура-патриотических мифов, ведущих к национальной мании величия и ксенофобии, но и принятие на себя ответственности за деяния прошлого, совершенные нашим обществом по причине веры в эти губительные мифы».

И тут мы уже переходим к политическому аспекту:

«В перспективе критического патриотизма, патриотизма горестного раздумья, по сути дела уже невозможно пользоваться категорией национальных интересов — особенно в сфере исторической политики. Коллективные интересы —

это категория, силою вещей сплетенная с эгоизмом; необходимость стать лицом к лицу с горькой истиной, необходимость мыслить вопреки собственному душевному комфорту, постоянное стремление к демифологизации, подозрительный взгляд на все собственные стереотипы — все эти меры должны проводиться безоговорочно. (...) Историческая политика в этой перспективе подчиняется полному верховенству этики, становится пространством, где не столько строится общее самосознание, сколько в ходе болезненного самоанализа отвергается потенциальность греха, имманентно вписанная в сообщество и сферу политического».

И, наконец, в заключение автор пишет:

«Этот недостаток понимания Своих и излишек понимания Других, представленный критическим патриотизмом, вытекает не из злой воли. (...) Исторический ревизионизм в варианте сторонников критического патриотизма научил нас (...) новому отношению к истории. Речь идет о том, чтобы, взяв достоинства этой позиции, одновременно уберечься от вытекающих из нее ошибок. Иначе не удастся воссоздать связь, соединяющую поляков в политическое сообщество, способное активно действовать в истории. А без этого мы можем остаться множеством, вынужденным вести политические поединки в том времени, месте, а также условиях, которые будут навязаны нам извне».

Критический патриотизм скорее носит характер индивидуалистический, нежели принадлежащий сообществу, — по крайней мере так считает часть политических кругов, лидеры которых убеждены во внезапном крушении польских патриотических позиций и исчезновении коллективной национальной памяти. С таким подходом в том же номере журнала полемизирует Роберт Траба, автор статьи «Борьба за культуру»:

«Вопреки скептикам, в том числе и скептикам-ученым, коллективная память существует. Вопросом остается, как ее использовать, чтобы она стала эффективным фактором демократического государства. Глашатаи новой исторической политики хотят декретировать ее новыми символами, мифами, кладущимися в основу Четвертой Речи Посполитой. (...) Глашатаи исторической политики делают патриотизм столпом превращения общества в гражданское. Причем «патриотизм завтрашнего дня» до сих пор определялся «вчерашней» точкой зрения. Ибо его сутью остается создание сообщества, опирающегося прежде всего на ценности этнического патриотизма XIX века — ценности традиции,

истории, культурных достижений. Теоретически это могло бы быть верное указание, учитывая тот факт, что национальная гордость поляков, их чувство превосходства над соседями вытекает не из конкретных достижений, но из веры в принесенную нами «кровавую дань», в наше самоотречение и самопожертвование ради других. Следовательно, нам положено удовлетворение, уважение, и мы имеем право испытывать нравственное превосходство. Попытка изменить статус жертвы на одобрение нашей истории продолжает оставаться всего лишь заменой «плохого» «не таким плохим». Ни в одном из программных текстов нет указания на роль общества как субъекта и реального творца культурной памяти поляков. Такая роль отведена государству, точнее правительству, которое путем выборов сделало свои замыслы легитимными. Да только эту легитимность при низкой явке на выборы дали правящей партии чуть больше 10% взрослых граждан. Поэтому память — в отличие от бюджета — невозможно учредить только в лагере победителей. (...) В пылу критики в адрес Третьей Речи Посполитой многие забывали о необычайных достижениях неправительственных организаций в деле распространения гражданских ценностей, в том числе и истории. Это тем более должно быть замечено, что в европейском масштабе гражданское общество в нашей стране самое слабое. Нигде нет такого малого числа неправительственных организаций в пересчете на численность населения».

Трудно не согласиться с Трабой. Патриотизм невозможно декретировать, невозможно возвращать с помощью ныне планируемых государственных воспитательных учреждений, когда эти учреждения не укоренены в общественной активности граждан. Но это не только польская проблема:

«Польша, — пишет Траба, — не изолирована в творении своей национальной истории как фактора, модернизирующего неоконсервативную идеологию. Своего рода «культуркампф», т.е. новая борьба за культуру, идет и в Германии (попытка переистолкования роли немецкого народа как жертвы), и во Франции (законопроект с предложением внести в школьные программы разделы о положительных результатах колониализма), и в Италии (общественная реабилитация Муссолини). Я считаю, что нам представляется редкостный шанс — пользуясь, в частности, уникальными возможностями, какие дает нам многокультурная история, разнообразие влияний и опыта, — создать свой вариант европейской модели исторической политики». Особенно важный в нашей части Европы.

Дискуссия продолжается. А я не могу избавиться от впечатления, что сам термин «историческая политика» излишне облагораживает понятие, может быть, более пресное, но ясное — пропаганда.